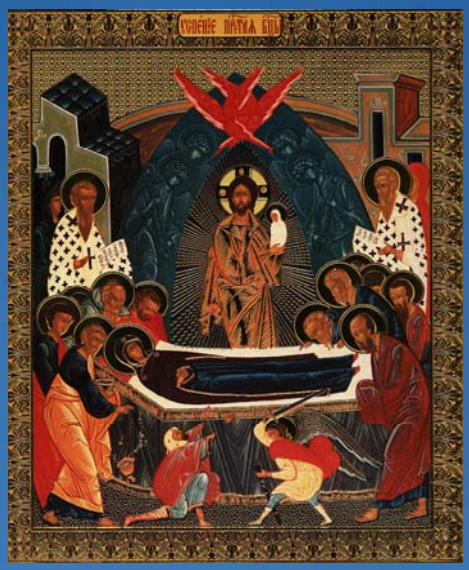
Православный альманах Видновского благочиния Московской епархии РПЦ

Издается по благословению Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия с 1 января 2004 года Успенской церковью г.Видное

№ 3-4 (14) март-апрель 2006 года



Письмо к Твоей душе...

Слово Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия в преддверии Великого поста

В Церкви Христовой верные сыны и дочери её все делают с Божиего благословения, с призыванием помощи Его всесильной и спасительной благодати во всех обстоятельствах своей жизни. Получая небесную помощь в борьбе с плотью, возвышается дух человека, ибо, как мы знаем из Священного Писания: “Дух добр, плоть же немощна” (Мф. 26:41). И в Церкви наши торжества, наши праздники носят совсем другой характер, чем это делается в светском мире. Может быть, для нецерковного человека наши поучения и молитвы могут казаться скучными и не коснутся его души! Но так происходит до тех пор, пока он не обратится к Богу и не осознает, и не прочувствует свои падения и пороки. Тогда душа его будет трепетно стремиться к Господу. Это состояние переживает каждый верующий человек, ибо случается, что мы, христиане, забывая заповеди Божии, нарушаем свои обеты, данные при крещении, и другие христианские обещания: в супружестве, в монашестве, в священстве. Церковь же, зная слабое естество человеческое, но в то же время зная и способность человека, оставившего грех, возвыситься духовно, обратиться к Господу, установила в течение года особые дни для исправления и покаяния.

И вот мы стоим с вами на пороге спасительного периода Великого поста. Хочется вновь напомнить, что пост не есть только воздержание от скоромной пищи, это лишь способ помочь нам взять себя в руки, духовно возвыситься над всем мирским и глубже понять Евангелие Христово. Особенно на Страстной седмице Святая Церковь представит нам во всём духовном величии образ Христа Спасителя, претерпевшего страшные муки, добровольное страдание и Животворящий Крест. И тогда мы глубже поймём учение Христово, тот спасительный подвиг, который совершил Христос на Голгофе. Как ничтожны, как малы покажутся наши беды по сравнению с Его страданиями, как будет нам стыдно в душе, что творим зло, имеем ненависть, враждуем друг с другом, с семейными своими. Но мы дальше пойдём – мы поймём, что не выполнили христианского долга. Мы не служили ближним, потому что для нас мало отойти от зла, не творить его. Мы должны показать пример нашей христианской любви.

Сейчас, когда мы находимся в храме, чтобы с Божиего благословения начать предлежащий нам подвиг поста, молитвы, покаяния, мы, может быть, ещё не готовы полностью вступить на этот путь, наше сердце ещё не примирено. Святая Церковь после подготовительных недель к Великому посту в сегодняшний воскресный день призывает своих верных сынов и дочерей к всепрощению, ибо невозможно обращаться к Господу с просьбой простить наши грехи, когда мы питаем злобу и ненависть в сердце своём против наших ближних! (См.: Мф.6:15).

Мы часто не замечаем за собой, как обижаем ближних чёрствым к ним отношением, особенно в нашей повседневной жизни: в семье, среди соседей, среди тех, с кем мы рука об руку работаем на предприятиях, встречаемся в транспорте и на улице. Нам кажется, что мы вправе сказать им что угодно, и не замечаем, что раним их сердце, не говоря уже о том, что вызываем их гнев и осуждение.

Поэтому, дорогие братья и сестры, чтобы приступить к покаянию, собственному исправлению греховной жизни, нужно и около себя создать атмосферу любви и доброжелательства. Об этом напоминает нам и Спаситель: “Если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-то против тебя, оставь дар твой пред жертвенником, и, пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой” (Мф. 5:23-24). Эти слова Спасителя научают нас тому, что от озлобленного, непримиримого сердца не может исходить подлинное покаяние. Прощение наших согрешений зависит от наших взаимоотношений с ближними. Наше покаяние, наше исправление нужно начинать с примирения, и с примирения не формального, когда устами человек произносит: “Прости меня Христа ради”, - а в сердце кипит злоба. Нельзя, оправдываясь, говорить: “Да не о чем мне просить его, потому что мы с ним не ссорились”. А может быть, брат твой или сестра обижены тобой, незаслуженно обижены, духовно пострадали от тебя и из-за этого не могут тоже вступить примиренным в спасительные дни поста…

Я думаю, дорогие братья и сестры, не нужно мне продолжать своего слова. Вы сами знаете, как трудно переломить себя, попросив прощения, и примириться со своим недругом. Вы знаете и ту радость, когда вновь мы обретаем друг в друге своих ближних, своих друзей. Так не будем же откладывать благого дела; здесь, сейчас начнём подвиг покаяния, попросим друг у друга прощения и будем молить Господа, чтобы как недостойных, великих грешников Он просил, разрешил от наших грехов, как от тяжкой болезни, и сподобил неосужденно приступить к Чаше Господней.

Святая Церковь подвиг покаяния соединила с поприщем поста, как с таким временем, которое делает нашу душу бодрою и легкою. Мы сейчас вступили на великое поприще Великого поста Господня, поста, который установлен в подражание сорокадневного поста Господа нашего Иисуса Христа. Ибо Спаситель по Своей любви к нам перед проповедию Евангелия народу и крестными Своими страданиями в течение сорока дней постился, не ел и не пил ничего. А так как жизнь Иисуса Христа является для нас правилом нашей благочестивой жизни, то и сорокадневный Его пост не может не быть для нас непременным правилом, если только мы не напрасно носим имя христиан. Сам Господь узаконил пост для Своих учеников. Когда некоторые приступили к Нему, спрашивая: Почему ученики Иоанновы и фарисейские постятся, а Твои ученики не постятся?, - то в ответ на это Господь сказал: Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни (Мк. 2, 18-20).

Этими словами Господь говорит, что, кто искренно любит Его, кто разделяет с Ним участие в Его великом деле и разделяет Его чувства, тот будет сокрушаться и поститься, когда Господь Его будет взят на страдания и смерть; тот будет освящать время разлучения с Господом постом умиляющим. Так и поступает святая Православная Церковь, освящая время страданий Христовых особенным постом.

Начиная с древнейших христианских писателей, мы имеем свидетельства, что Великий пост (или Святая Четыредесятница) был установлен апостолами в подражание сорокадневному посту Иисуса Христа (Мф.4,2).Называется он Великим не только по количеству дней, но, главное, по важности и значению его для православных христиан. Как в древности, так и сейчас Великий пост остается временем покаяния, когда мы сокрушаемся и печалимся о собственных грехах. Пост этот «есть дело из сильнейших средств к обузданию нашей чувственности, от преобладания которой над нами гибнет в нас все чистое и светлое» (протоиерей Григорий Дьяченко).

Великий пост начинается с Чистого понедельника, который следует за Прощеным воскресением, и продолжается, с учетом Страстной седмицы, до Пасхи. В дни Великого поста значительно меняется характер служб в храмах. Святая церковь в эти дни отлагает всякую торжественность в своем богослужении. Прежде всего, среди недели не совершается полная литургия, которая служится только по субботам, воскресениям и праздничным дням. Вместо нее по средам и пятницам полагается литургия Преждеосвященных Даров.

Церковь в будничные дни Великого поста почти полностью отменяет пение как выражение радостного состояния человеческого духа, а широко употребляет чтение. Все богослужения Великого поста совершаются тихо, медленно, с глубоким благоговением. Царские врата открываются редко, перезвон допускается нечасто, молящиеся в храме призываются к земным поклонам, коленопреклонению, падению ниц. Такие же черты несет в себе во время Великого поста и домашняя бытовая жизнь православных христиан. Образ хранения Великого поста был определен издревле. В этот период не празднуются дни рождения, не совершаются браки. Каждый православный христианин в эти дни должен исповедаться и причаститься. Великий пост был и остается временем наибольшего проявления милосердия и любви христианской: в эти дни освобождали пленных, прощали должников, облегчали участь преступников, помогали бездомным, сиротам, вдовам, посещали больных и заключенных, примиряли враждующих, принимали странников.

В постные недели менялся не только внутренний облик храмов и жилищ, но и внешний вид городов: закрывались питейные заведения, в первую неделю не работали лавки и магазины. Так было и в нашем Отечестве в не столь отдаленные времена, когда нравы людей укладывались в понятия благочестия, а многим соотечественникам нашим были доступны тайны Божественного откровения и близки высокие духовные идеалы. В те годы Гоголь писал: «Спокоен и грозен Великий пост! Кажется, слышен голос: «Стой, христианин, оглянись на жизнь свою». На улицах пусто. В лице прохожего видно размышление. Я люблю тебя, время думы и молитвы!»

Святая Церковь, наша нежная, чадолюбивая мать, облеклась сейчас в траурное одеяние и медленным заунывным колокольным звоном, трогательным великопостным Богослужением зовет нас к покаянию, стараясь пробудить в нас нашу спящую совесть и возбудить в нас ревность к исправлению. Подобно тому, как весною все естество животных, птиц и деревьев снимает с себя старый покров и облекается в новое прекрасное одеяние, так и мы должны в эти святые дни очистить себя, совлечь с наших душ грязные рубища греха – постом, молитвою и покаянием - и облечь наши души в чистые одежды, благоприятные Господу.

Пост – дело святое, потому что он обуздывает страсти, живущие в нашем теле. Пост есть средство к стяжанию святости, ибо как невоздержание открывает дверь разврату помыслов и дел, так и воздержание сообщает мыслям свет, чувствам чистоту, духу свободу и крепость. Один из святых Отцов говорит: "Когда какой-нибудь царь захочет взять неприятельский город, то он удерживает прежде всего воду и съестные припасы, и неприятели, погибая от голода и жажды, покоряются ему. Так бывает и с нашими плотскими страстями. Если человек будет жить в голоде и посте, то враги, ослабев, оставят душу".

По слову святого Иоанна Златоуста, кто постится, тот угашает злые свои страсти. Пост делает душу бодрою, возносит ее выше земного и влечет к небесному. Все святые уважали пост и соблюдали его как святое время для своего исправления. Великие подвижники приходили в ближайшее соприкосновение с Божеством и удостаивались великих откровений и видений именно чрез строгий пост, который одухотворял их, ослаблял в них тяготение к земному, облегчал для них сие соприкосновение и низводил на них великие милости Божии.

Святитель Василий Великий говорит, что пост современен человечеству, потому что в раю уже была дана заповедь о посте. Заповедью о невкушении плодов с древа познания добра и зла Господь установил в раю пост, который если бы наши прародители соблюли, то не пришлось бы соблюдать его нам.

Пост есть матерь целомудрия, юношества охранение и украшение девства. При таком значении поста нам ли, грешным, не соблюдать его! Очистим свою душу постом и покаянием от всякой греховной скверны, и тогда Господь придет к нам и приведет с Собою светлое царство благодати христианских добродетелей, и очищенная душа с радостью воскликнет, как воскликнула Пречистая Дева: “Величит душа моя Господа, и возрадовася дух мой о Бозе Спасе моем!” (Лк. 1, 46-47). Даруй же нам всем, Господи, спасительно провести время поста и покаяния и, доживши, с духовною радостью встретить Светлое Христово Воскресение. Аминь.

Благочинный церквей Видновского округа
Священник Михаил Егоров

Ходи предо Мною

Молитва в Ветхом Завете – обширная тема, охватить которую полностью невозможно. Здесь мы попытаемся выделить некоторые характерные особенности ветхозаветной молитвы, опираясь преимущественно на тексты, выбранные Церковью для богослужебного использования. Помимо псалмов, полностью вошедших в христианскую молитвенную жизнь, это так называемые девять песней Священного Писания, одни из самых древних употребляемых христианской Церковью молитв Ветхого Завета.Эти песни издавна пелись христианами на утрене, когда они собирались еще в римские времена до рассвета, чтобы, как пишет Плиний Младший в своем донесении императору Траяну, «воспеть песнь Христу как Богу». Во второй половине первого тысячелетия по их мотивам стали писать дополняющие библейский текст стихи, и так родился канон, который мы поем на утрени. Первая из девяти песней - это песнь Моисея, которую он воспел после перехода через Красное море: «Пою Богу моему, ибо высоко превознесся» (Исх.15:1–19), вторая - песнь Моисея, которую он воспел после разрушения золотого тельца (Втор. 32:1–43; эту песнь мы очень мало знаем, она поется только изредка во время Великого поста), третья - это песнь Анны, матери пророка Самуила (1 Цар. 2:1–10), четвертая - песнь пророка Аввакума (Авв. 3:1–19), пятая - песнь Исайи в 26 главе (Ис. 26:9–19), шестая - песнь Ионы, которую он обратил к Богу из чрева кита (Иона 2:3–10), седьмая и восьмая - молитва и песнь трех отроков в печи вавилонской (Дан. 3:26–56 и Дан. 3:56–88). Последняя, девятая, составлена из двух новозаветных текстов – это песнь Пресвятой Богородицы и песнь Захарии, отца Иоанна Крестителя (Лк. 1:46–55 и Лк. 1:68–79). Наряду с паримиями и псалмами, именно эти тексты сформировали наши представления о ветхозаветной духовной традиции. Ветхий Завет - это книга, которая развивалась и подвергалась редактированию очень долго. Фактически составление Ветхого Заета закончилось, лишь около 99 года по Р.Х., когда большая часть книг Нового Завета уже была написана. За это время тексты и молитвы, которые были произнесены и записаны пророками и запомнились в истории избранного народа, конечно, прошли и некоторый отбор, и некоторую литературную обработку. Поэтому, когда мы говорим о молитвенной традиции Ветхого Завета, надо понимать, что это лучшее в молитвенной культуре народа Божьего. Эти образцы молитвы, сохраненные священными авторами, могут быть полезны и важны и сейчас, в новозаветные времена.

В молитвенном опыте, сохраненном для нас Ветхим Заветом, можно выделить три самые характерные и важные черты: предстояние, поклонение и диалог. Это молитва, которая рождается в результате встречи с Богом, встречи лицом к Лицу, когда человек встает перед Богом для того, чтобы услышать Его и обратиться к Нему.

И одновременно это не столько разговор, слова, которые произносит человек и которые говорит ему Бог, но это стояние лицом к Лицу. Завет, который Бог заключает с Авраамом, отцом всех верующих, содержит в сущности только одну заповедь: ходи предо Мною и будь непорочен. Быть перед Богом, быть в таком предстоянии перед Богом – это фундамент, на котором строится вся молитва и вообще вся духовная жизнь Ветхого Завета. Очевидно, что это имеет к новозаветной Церкви прямое отношение. Собственно, единственное, что важно в этой молитве, – это добиться, каким-то образом "улучить" эту встречу с Богом. Ветхий Завет почти не оставил нам просительных молитв, они почти не зафиксированы. Несомненно, они имели место, и в псалмах мы встречаем много просьб о помощи, защите, но все-таки это скорее следствие, результат, а главное – это сердцем встать перед Богом и перед Ним стоять; все остальное второстепенно. Может быть, в этот момент никаких слов сказано и не будет…

Есть очень важное слово в Ветхом Завете: взыскать Господа Бога Своего. Думая о Ветхом Завете, мы прежде всего вспоминаем фарисеев, которые все время упрекают Христа в том, что Он что-нибудь делает не так; апостол Павел тоже много говорит о законе.

Действительно, для Ветхого Завета исполнение закона, обряд – это чрезвычайно важно. Но вот замечательный пример. Был в Израиле во времена пророка Исайи Иерусалимского царь Езекия (8 в. до Р.Х.). Слово Божие сохранило для нас некоторые молитвы этого царя. Однажды, во время празднования Пасхи, по приказу царя Езекии собрались жители страны в Иерусалим для того, чтобы совершить Пасху. Священники закалывали пасхального агнца в четырнадцатый день, царь велел всем освятиться, заколоть пасхального агнца и вкушать пасху. И дальше книга летописи (2 Пар. 30) говорит, что многие из народа, большей частью из колен Ефремова и Манассиина, Иссахарова и Заввулонова не очистились, однако же они ели пасху, не по уставу, не очистившись. Мы помним из Евангелия, что первосвященники не захотели войти в дом Пилата, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху. Они предпочли выказать невежливость по отношению к римской власти, лишь бы не оскверниться. А здесь многие из народа не очистились, однако же они ели пасху. И вот что делает царь Езекия: «Но Езекия помолился за них, говоря: Господь благий да простит каждого, кто расположил сердце свое к тому, чтобы взыскать Господа Бога, Бога отцов своих, хотя и без очищения священного! И услышал Господь Езекию и простил народ» (2Пар. 30:19,20). Итак, даже такая важная вещь, как пасха, есть которую не очистившись – преступление против закона, – даже это может быть прощено потому, что эти люди искренне, «расположили сердце свое к тому, чтобы взыскать Господа Бога» своего.

Еще один замечательный пример того, что значит взыскать Господа Бога, мы видим у пророка Аввакума. Все мы знаем пасхальный ирмос: «На божественней стражи богоглаголивый Аввакум да станет с нами и покажет светоносна ангела…». О чем идет речь? Пророк Аввакум обращается к Богу с некоторой молитвой и просит, чтобы Господь дал ему ответ на эту молитву. Вопрос Аввакума такой: «Доколе, Господи, нечестивые будут торжествовать, а праведники находиться в угнетении?». В книге пророка Аввакума говорится: «На стражу мою стал я и, стоя на башне, наблюдал, чтобы узнать, что скажет Он во мне, и что мне отвечать по жалобе моей? » (Авв.2:1).

Существовала такая традиция: на крышу дома или, может быть, на одну из башен Иерусалима поднимался пророк, и это стояние перед Богом, чаще ночью, называлось «стать на страже». Я встану здесь на страже и буду ждать, и стоять, пока Он мне не ответит. Все остальное перестает существовать.

На страже моей я стану, пока не услышу ответа от Бога, чтобы ждать, что Он скажет во мне. Аввакум не рассчитывает непременно услышать глас Божий с небес. Он ждет ответа внутри себя, и говорит: я буду здесь стоять, «на божественней стражи», пока не услышу ответ.

Все остальное останавливается. Жизнь останавливается, мир останавливается, история останавливается, потому что мне нужен Бог, мне нужен ответ от Него – все остальное менее важно. Сосредоточенность на том, чтобы войти в присутствие Божие, встать перед Ним. Важно обратить внимание на следующее. Когда мы говорим: «встретить Бога, войти в присутствие Божие», как правило, мы ожидаем или имеем в виду, что это Он к нам придет. Для нас, наученных опытом Воплощения, того, что Бог нисходит с небес и становится человеком, привычнее и нагляднее представлять себе, что Бог придет к нам.

Для Ветхого Завета это абсолютно немыслимая вещь. Ветхозаветные люди не могут и подумать о том, что такое возможно. Один раз у Исайи Вавилонского с надеждой и мукой прорывается вопль: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!» (Ис. 64:1). Но люди Ветхого Завета не смеют надеяться на то, что так будет. Поэтому когда они говорят о встрече с Богом, о том, чтобы войти в Его присутствие, они, конечно, имеют в виду, чтобы самим прийти и предстать перед Ним. Бог не обязан ко мне приходить, это я должен к Нему прийти.

Еще один аспект, который отличает нашу молитвенную и вообще духовную жизнь от Ветхого Завета. Господь открыл нам о себе очень многое, и в течение первого тысячелетия христиане развили огромное экстенсивное богословие о том, кто такой Бог, какова Его природа. Христиане спорили, ссорились, не понимали друг друга, отбирали слова для того, чтобы выразить это откровение. В Ветхом Завете абсолютно отсутствуют слова о том, что такое Бог. Этот вопрос остается за кадром, он не обсуждается. Потому что про Бога можно знать только одно: Он непостижим. Он вне, Он вообще не поддается никакому нашему пониманию: «Мои мысли - не ваши мысли, не ваши пути - пути Мои» (Ис.55:8). И это все. Главное, почему Ветхий Завет так держится за эту полную непознаваемость Бога и необсуждаемость Его природы, это, конечно, языческие соблазны, постоянно рождающиеся идеи о богах как о каких-то ветрах, стихиях, потоках, нимфах ручья и так далее. Итак, никаких "нимф ручья". Никакой "высшей силы", любимой разными языческими системами. Ничего этого нет. О Боге известно только одно: Он – личность. Он – Тот, у Кого есть имя и к Кому можно по этому имени обратиться. И вот этот предельный персонализм Ветхого Завета очень важен. Не свойства Бога, не Его природа, даже не благодать, которая так привычна для нас и которую мы просим и в которой действительно так нуждаемся, – только личность Бога, Ты Сам. Ветхий Завет говорит о Боге «Он», только когда пророки пересказывают слова Божии: «Так говорит Господь, вот что Бог сказал мне». Но в большинстве случаев, в отношениях с Богом, в жизни Бог всегда «Ты», Личность, Которую мы не видим, которую не постигаем, но мы знаем, что это Тот, Кто слышит наши молитвы, Тот, к Кому мы можем обратиться и призвать Его. Когда Соломон освящает Иерусалимский Храм, он просит только одного и говорит: «Я прошу Тебя, чтобы на этом месте, когда мы призовем Тебя, Ты услышал нас» (3Цар. 8:23). Даже о присутствии Бога во святая святых речь не идет. Просьба только о том, чтобы Ты услышал нас, потому что Бог – этот Тот, Кто слышит.

Когда Он открывает Моисею Свое Имя (Исх. 3:14), в сущности Он говорит необъяснимую вещь; первый ответ Бога – «Эхъе ашер Эхъе»: «Я – это Я». Обычно эти слова переводят «Я есть Тот, Кто Я есть». «Я – это Я!» Фактически Он отказывается ответить Моисею на вопрос: «Как имя Тебе». Почему Он призвал Моисея в этот момент, почему Он обращается к нему? Он говорит: «Я увидел страдания народа Моего в Египте и иду избавить Его» (Исз.3:7). И вот это – главное, что Ветхий Завет знает о Боге. Бог – этот Тот, кто видит страдания народа Своего и идет избавить его. Он слышит и избавляет.

На этом предельном персонализме строится вся молитва, все отношения с Богом. О Боге не говорится при помощи каких-то характеристических идентификаторов, разве только в поэзии. Бог только именуется, причем Его имя по причине благоговения заменяется словом "Адонаи" (Господь). И все, что может быть нами просимо, все, что может быть нами получаемо от Бога, все это имеет смысл и значение только потому, что это Его дары.

Посмотрим на молитву Ионы, которую он обращает к Богу из чрева кита. Он говорит: «К Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня. Из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой… Ты вверг меня в глубину… все воды Твои и волны Твои проходили надо мною… отринут я от очей Твоих… но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада» (Иона 2:3слл). Все обстоятельства вокруг Ионы, которые он перечисляет в этой молитве: морские травы, волны, кит, все прочее, – почти прозрачная стена, за которой он видит Бога. Вся эта реальность, весь физический мир, который необычайно важен, все события – все это только опосредует отношения между человеком и Богом. "Ты" – это самое главное.

Еще один очень важный момент заключается в том, что Ветхий Завет, который только ждет прихода Сына Божия, никогда не позволяет себе на этот приход рассчитывать, поэтому свобода Бога ответить или не ответить, свобода Бога принять или не принять молитву, считается и является абсолютной. Именно в этом смысле, быть может, следует понимать рассказ о предпочтении Авелевой жертвы жертве Каина. Причина предпочтения не обсуждается, потому что главное – свобода Бога поступать так, как Он хочет. Ничто не вынуждает Его принимать или не принимать жертву и связанную с ней молитву. Бог свободен, и соблюдает данные Им обетования потому, что Его Личности присуща верность. Именно поэтому верность Божия становится мерилом отношений не только между Богом и людьми, но и внутри человечества.

Это важно, потому что мы довольно легко привыкаем к тому, что Он слышит, и перестаем этому удивляться, перестаем этому радоваться, перестаем

"Молитва Моисея". Гравюра Ю. Шнорр фон Карольсфельда.

благодарить за то, что «Ты услышал меня». Нам это кажется такой естественной вещью: как мы друг друга слышим, так и Бог нас услышал. Но это ведь совершенно невероятный подарок, и Ветхий Завет никогда не рассчитывает на это, он всегда воспринимает это слышание Богом наших молитв как дар, и поэтому люди в Ветхом Завете, чьи молитвы остались для нас в Писании, просят и молят о том, чтобы быть услышанными и принятыми, и просят со всей серьезностью.

Поэтому, между прочим, такое значение имеют все обстоятельства культа. Бог Сам дает Моисею указания о том, как должен быть устроен культ, и это важно, потому что вокруг Израиля каждый язычник сотворяет себе что-нибудь, придумывает и говорит: «Вот мы будем поклоняться так». На самом деле ничего оригинального никто не изобретает. И то, что все детали культа указаны Богом, важно, потому что это не человеческое установление, а то, как повелел Бог. Все эти детали считаются важными потому, что мы не вправе рассчитывать на то, что Бог услышит нас, поэтому то, что с нашей стороны возможно, мы должны сделать, соблюсти. Поэтому таким важным считается то очищение, которого не совершили при Езекии жители северных колен. Ну как мы посмеем попросить Бога услышать нас, если не сделали того, что Он установил?

В этом смысле тоже очень важная и характерная молитва произносится Азарией в Вавилоне во время плена, когда Израиль оказался лишенным всего, в том числе и богоустановленного культа. Храм разрушен, жертвы не приносятся, ничего нет и, как говорит Азария, обращаясь к Богу, «нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всесожжения, ни жертвы, ни приношения ни фимиама, ни места, чтобы нам принести жертвы Тебе и обрести милость Твою» (Дан. 3:38). Ничего у нас нет! - и прорывается удивительная надежда, очень целомудренная и не нахальная, благоговейная: «но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты, как при всесожжении овнов и тельцов и как при тысячах тучных агнцев» (Дан. 3:39).

Еще один существенный аспект предстояния перед Богом заключается в том, что в нем всегда рождается изумление. То, что мы видим, то, что мы воспринимаем как Божий дар, обязательно вызывает восхищение и хвалу. Это не какие-то незримые таинственные созерцания… Редко, редко пророки, как Даниил, Захария или Иезекииль, видят видения и пытаются что-то описать, причем тут же сами говорят о том, что они не в силах сформулировать и понять это… Но каждый человек видит мир, видит солнце, звезды, луну, холод и зной, деревья и животных, морских чудовищ, «ихже создал еси ругатися им», исторические события, вмешательства Бога в историю… вот все это не может не восхищать и не задевать нашего сердца. Поэтому предстояние перед Богом подразумевает с очевидностью хвалу, благодарность, прославление Бога. Конечно, центральным, самым важным для нас моментом является хвала, которая была открыта пророку Исайе Иерусалимскому в Иерусалимском храме, когда он увидел херувимов и серафимов, взывающих «един ко другому немолчными усты непрестанными славословеньми», говоря «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф» (Ис. 6:3). Существует еще множество подобных текстов; так, например, конец книги Иова наполнен совершенно потрясающей благодарностью, 103-й псалом, песнь трех отроков в печи вавилонской «Благословите солнце и луна Господа, пойте и превозносите Его во веки». Все эти песни возникают потому, что во встрече с Богом человек грешный, живущий в мире, полном зла и страдания, может быть, не менее страшном, чем тот, в котором живем мы, этот человек в молитве, в соприкосновении с Богом прикасается какому-то отблеску неповрежденного мира, отблеску рая, и видит славу Божию и удивительную красоту Его творения. Поэтому для Ветхого Завета хвала Богу – практически единственный способ преодолеть сердцем распад и грех, царящие в этом мире. Там нет Евхаристии, поэтому эта хвала еще не полна, она еще не нашла ответа Божия, Который скажет «Примите, ядите, это Тело Мое…», но это направление человеческого сердца исключительно важно. И практически любые, даже глубоко покаянные молитвы Ветхого Завета начинаются с прославления Бога, с хвалы. В нашей молитве перед исповедью упоминается Манассия («Манассиину в покаянии молитву приемый»). Имеется в виду следующая молитва Манассии, который кается, начиная свою песнь словами: «Господи Вседержителю, Боже отцев наших, Авраама и Исаака и Иакова, и семени их праведного, сотворивший небо и землю со всем благолепием их, связавший море словом повеления Твоего, заключивший бездну и запечатавший ее страшным и славным именем Твоим, которого все боятся, и трепещут от лица силы Твоея, потому что никто не может устоять пред великолепием славы Твоея» (2Пар. 36:23слл). Вот он обращает глаза к Небу, и слава Божия настолько приковывает взгляд ветхозаветного человека, что он просто оторваться не может, все забывает, даже грехи, в которых он пришел каяться, отступают на второй план. Потом он, Манассия, да и любые другие ветхозаветные молитвенники приносят свое покаяние, но в их молитве содержится важный для нас опыт: не пропускать хвалу, с которой начинается любое общение с Богом.Потому что если мы встаем перед Всемогущим и не восхищаемся – это неправда, потому что Им нельзя не восхищаться, и нельзя не восхищаться делами рук Его.

Еще один важный момент. Для Ветхого Завета вера заключается в том, что в итоге встречи с Богом в молитве взгляд человека обращается к жизни, к своим каждодневным занятиям, и человек побуждается служить Богу в своих каждодневных занятиях, в своей жизни. Вера и жизнь, молитва и жизнь никак не разорванные вещи. Мы обращаемся к Богу, нечто видим, опускаем взгляд на землю, и всякое несоответствие между тем, что мы постигли в молитве, в обращении к Небу, и тем, что мы видим рядом с собой, в себе, в своей жизни, вокруг себя, малейшее несоответствие вызывает бурю… Все поступки и действия воспринимаются как следствие откровения имени Божия, как следствие откровения святости Божией. «Ты открыл мне уставы Твои – научи меня ходить по путям Твоим» – говорит псалом 118-й «Блаженни непорочнии в путь», псалом, который в Греческой церкви занимает место нашего полиелея на всенощной. Он весь про это: «Ты просветил меня светом Твоим – научи меня оправданиям Твоим». Это логика духовной жизни Ветхого Завета.

Еще один важный момент в этой встрече с Богом – то, что человек, обращаясь к Богу с молитвой, продолжает находиться в конкретной реальности, здесь и сейчас. Нет разделения на параллельные миры. Мы часто не очень хорошо понимаем слова Христа: «А ты, когда молишься, войди в комнату, закрой дверь твою…». Нам кажется, что Господь говорит: «… и забудь обо всем на свете». Поэтому надо войти в мир уютной тишины, когда мы молимся, а потом будет все остальное. Для Ветхого Завета совершенно невозможно разделить одно и другое. Ветхозаветный человек ищет Бога именно в истории, в событиях жизни, в том, что происходит: в своих поступках, в поступках других. Правда Божия никак не может быть иначе познана, кроме как в переживаемой нами реальности. Поэтому «из глубины воззвах к Тебе, Господи» (Пс. 129:1) – вот из той глубины, бездны, в которой я сейчас нахожусь, из бездны греха или из бездны ненависти со стороны окружающих, – вот прямо отсюда я взываю к Тебе.

“Пророк Иезекииль”. Гравюра Ю. Шнорр фон Карольсфельда.

Следующая черта ветхозаветной молитвы: это всегда молитва поклонения. Мы так привыкаем к близости Божией, к тому невероятному дару, который дан нам в Новом Завете, что даже само слово «поклонение» теряет для нас ясное значение; поэтому важно обращать на это внимание.

Во-первых, конечно, это всегда конкретная благодарность. В нашем Символе веры и в первой заповеди есть общая черта. Почему важен Понтийский Пилат в Символе веры, Пилат, который совершенно не имеет никакого отношения к тому, во что мы верим? Это упоминание указывает на то, что события имели место в определенное время в определенном месте. И точно так же в первой заповеди говорится: «Я Господь Бог твой, который вывел тебя рукою крепкою и мышцею простертою из Египта, из дома рабства» (Исх. 20:2). Тот, кто вывел рукою крепкою из Египта, из дома рабства, Тот, Чье величие проявилось в конкретных исторических событиях, которые все видели и все помнят, и все знают, что Он шел днем в столпе облачном и ночью в столпе огненном перед народом Своим.

Поклонение – это отношение к очень конкретному Богу, известной Личности, которая проявила Себя в разных исторических событиях, в событиях конкретных, несомненных и всем хорошо знакомых. Поэтому каждый гимн и большая часть молитв Священного Писания начинаются с упоминания того, что именно сделал Бог. Не потому, что это нужно Ему рассказать (как будто Он забыл!). «Пою Богу моему, – говорит Моисей, – ибо высоко превознесся, коня и всадника его ввергнул в море» (Исх. 15:1). Зачем он это говорит? Что, Бог мог не заметить, что были какие-то египетские войска в Красном море? Нет, не поэтому, а потому, что это указание на Того Самого. Ты – Тот Самый. Он – Один.

Это важный момент, потому что все время вспоминая события, действия, благодеяния, совершенные одним и тем же Богом, мы тем самым переживаем как свой духовный опыт (не как теоретическое знание, а как духовный опыт) Его единственность.

Если это знание теоретическое, оно нам мало что дает. А вот если мы переживаем как опыт сердца единственность Бога, это дает очень много: и радость, и свободу, и упование и жизнь. Поэтому так важно бывает для ветхозаветного человека услышать и произнести в своей собственной молитве вот эти указания на то, какие благодеяния совершил Господь.

Далее, очень важно для молитвы Ветхого Завета удивительное благоговение. Что означает это слово? Можно сказать, что это таинственный сплав страха, восхищения и упования, надежды на милость. Конечно, в благоговении Ветхого Завета обязательно присутствует трепет.

Священный трепет, страх, потому что все время человек видит, как губительно оказывается противление Богу, как «страшен гнев прещения Твоего на грешников». Этот страх есть неотъемлемый компонент благоговения. Мы обычно изворачиваемся, объясняем, что это священный трепет, что Бог все время говорит: «Не бойся»… и в результате перестаем бояться, действительно теряем страх Божий. На самом деле правда не в том, чтобы относиться к Богу без страха. «Не бойся» – это что-то другое. Этот новозаветный призыв направлен на то, чтобы мы поднялись над этим страхом, над одним всепоглощающим страхом, встали на него как на ступеньку и могли дотянуться выше к надежде, к упованию на милость Божию.

Ветхозаветное благоговение никогда эту ступеньку страха не обходит, совершенно его не стесняется и не считает, что бояться Бога как-то плохо и неинтеллигентно. Они были такие же свободолюбивые, как мы, и даже более, поскольку претерпели множество оккупаций и насилий. Но они не считают, что страх Божий унижает их достоинство. Поэтому никогда не стесняются этого факта. Да, мы приходим к Богу со страхом, и трясутся колени. И если у нас не трясутся колени, то мы многого лишены. Если у нас не трясутся колени, когда мы привычно подходим к Чаше, то мы многого лишаемся.

Этот страх Божий сплавлен с восхищением перед величием Божиим, перед тем, что вот такой Бог, всесильный, страшный, перед гневом Которого не устоит никакое зло, перед Лицом которого тают горы, как молится Исайя: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел! Горы растаяли бы от Лица Твоего». Бог, присутствие Которого попаляет, – и тем не менее Он сотворил этот мир, сотворил нас, вывел нас из Египта, из дома рабства, и слушает нас сегодня. И поэтому страх преображается удивительным восхищением. И это переживание (не чувство, потому что здесь не чувства и не эмоции) животворно для человека Ветхого Завета. Поскольку мы такие же, оно может быть животворным и для нас тоже.

Кроме страха и восхищения, в этой молитве необходимо присутствует упование на милость. В песни Моисея при переходе через Красное море «Пою Богу моему, ибо высоко превознесся (15 глава книги Исхода) Моисей созерцает и описывает для потомков, для всего народа, то, что произошло в этом море: «Колесницы фараона и войско его ввергнул Он в море, и избранные военачальники его потонули в Чермном море. Пучины покрыли их: они пошли в глубину, как камень. Десница Твоя, Господи, прославилась силою; десница Твоя, Господи, сразила врага. Величием славы Твоей Ты низложил восставших против Тебя. Ты послал гнев Твой, и он попалил их, как солому… Кто, как Ты, Господи, между богами? Кто, как Ты, величествен святостью, досточтим хвалами, Творец чудес?»

И дальше Моисей говорит: «Ты ведешь милостью Твоею народ сей, который Ты избавил, – сопровождаешь силою Твоею в жилище святыни Твоей». Милость Божия по-настоящему радует сердце, когда ты понимаешь, что это не только незаслуженный подарок, но это действительно избавление от смерти, переход от смерти в жизнь. Масштаб милосердия Божьего таков, что оно не может остаться без благодарности с нашей стороны.

В самом начале 3-й книги Царств есть замечательное место, молитва царя Соломона о даровании ему мудрости. Здесь мы видим еще один аспект благоговения перед Богом. Он говорит: «И ныне, Господи Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа; и раб Твой – среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть; даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой» (3Цар. 3:6).

Переживание и признание своей немощи перед Богом – это тоже важный момент в поклонении. Я – отрок малый…

Никто не говорит: «Я уникальная личность, не такая как другие», хотя мы все уникальны и не такие, как другие. Никто не говорит «Я у Тебя такой один». «Я – отрок малый, не знаю моего ни входа ни выхода – и нуждаюсь в Тебе».

В благоговении важно принятие того, что мы нуждаемся в Нем. Не бояться исповедовать это важно для Ветхого Завета. Мы без Тебя – ничто, если не Господь охранит город, то напрасно бдят стражники. Если Ты не спасешь нас, то никакие цари не помогут нам. Мы нуждаемся в Тебе. «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5), говорит Господь в Новом Завете. Ветхий Завет предчувствует это, и все время обращается к Богу, говоря: «Мы без Тебя не можем ничего. Ничего.» Это важный опыт, потому что и это переживание тоже животворное. Таким образом преодолевается грех гордыни.

Еще один важный момент. Конечно, Ветхий Завет и его молитвы очень часто говорят о Боге в превосходных степенях. «Нет столь святого, как Ты, Господи». Это молитва Анны, матери пророка Самуила. Этот текст потом, если так можно выразиться, «развивает» Пресвятая Дева в Своей песне. Анна говорит: «Нет столь святаго, как Господь; ибо нет другого, кроме Тебя; и нет твердыни, как Бог наш… Господь сотрет препирающихся с Ним… Господь свят» (1Цар. 2:1слл). И много, много говорится «Нет другого как Ты, Господи». Это форма или способ, которым выражается непостижимость Божия. Тебя ни с чем нельзя сравнить. Мы говорили о том, что в этой встрече с Богом человек ищет, по крайней мере в Ветхом Завете, только личности Божией. Потому что природу Божию мы можем познавать только с чем-нибудь сравнивая: со своим духом, с природными силами, еще с чем-нибудь… Тебя ни с чем нельзя сравнить. Поэтому «нет другого как Ты».

Это удивительное сочетание, с одной стороны, отказа определять Бога, объяснять Кто Он такой, и, с другой стороны, переживания всех превосходных степеней Его величия.

Дальше, момент, без которого не обходится никакая молитва Ветхого Завета, тоже важный аспект поклонения, это исповедание полновластия Божия, Его царственности. Господь – Царь, и власть Его над всею землею, и ничто не может этой власти противиться. Вот снова молитва Анны, матери пророка Самуила, «Не умножайте речей надменных; дерзкие слова да не исходят из уст ваших; ибо Господь есть Бог ведения, и дела у Него взвешены. Лук сильных преломляется, а немощные препоясываются силою; сытые работают из хлеба, а голодные отдыхают; даже бесплодная рождает семь раз, а многочадная изнемогает. Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит; Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает. Из праха подъемлет Он бедного, из брения возвышает нищего, посаждая с вельможами, и престол славы дает им в наследие; ибо у Господа основания земли, и Он утвердил на них вселенную» (1Цар. 2:1слл). В связи с этим исповеданием полновластия Божия в Ветхом Завете, как, в частности, у Аввакума и Иова, возникает вопрос «а откуда тогда страдание», «доколе, Господи, нечестивый будет торжествовать, а праведный находиться в поругании». Этот вопрос не столько находит ответ, сколько преодолевается надеждой; живущий до Креста человек Ветхого Завета может стоять на земле и ощущать какую-то прочность только потому, что надеется и знает, что «у Господа основания земли».

Таким образом переживается это полновластие, и молитва все время говорит о нем. Когда мы говорим Богу: «Ты – Царь наш», - мы одновременно признаем это, потому что Он из тех царей, которые не будут над тобой царствовать, пока ты не согласишься. Мы просим этого и мы констатируем факт, и поэтому радуемся тому, что «Он – Царь наш».

Мы уже говорили о хвале и благодарности, и это тоже необходимый, момент в поклонении, в благоговении перед Богом. Ветхий Завет конкретно и детально переживает величие Божие. Повторяю, не для того, чтобы Ему это рассказать, потому что это не лесть. Когда-то поперек наших улиц висели такие красные транспаранты «Слава КПСС»… Это была лесть, потому что славы там никакой не было, но требовалось, чтобы мы эту несуществующую славу воспевали. Здесь совершенно наоборот. Слава Божия велика и несравненна, и совершенно не нужно Ему о ней рассказывать. Но молитва в Ветхом Завете обязательно включает слова о славе Божией, потому что это нужно для нас. Это наша пища. До установления таинства Евхаристии это единственная наша пища, пища нашего сердца. Но и после установления Евхаристии и в ней самой эта «пища сердца», как называл ее Экклезиаст, остается с нами.

Этот взгляд на Бога как на Царя удивительным образом приближает к тебе бесконечно далекого Бога, непостижимого, чей престол – небеса небес, и земля подножие ног Его, Бога, которого невозможно увидеть и не умереть… Пророки говорят: «Горе мне, я погиб, ибо я человек грешный, и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (Ис. 6:5)… И этот надмирный, превосходящий всякое представление Бог, имя которого Сущий, Он становится близким ко мне, потому что Он – мой Царь. Он из Своего непостижимого далека властвует здесь, где я живу, в моей биографии, в моей истории, в моей стране, в моих соседях. Он здесь царствует, и поэтому Он рядом. Никто не возьмется сказать как, почему происходит это приближение, но оно происходит. Этим объясняются удивительные слова одного из псалмов, 122-го: «К Тебе возвожу очи мои, Живущий на небесах! Вот, как очи рабов обращены на руку господ их, как очи рабы - на руку госпожи ее, так очи наши - к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас». Очи рабов на руку господ их обращены с очень близкого расстояния. Десница Божья направляет и ведет, и она очень близко. Это тоже важный момент в благоговении Ветхого Завета. Оно подразумевает, что бесконечно далекий и непостижимый Бог рядом, и поэтому ты не можешь вести себя так, как тебе удобно. Вся твоя жизнь должна строиться на том, что Он видит тебя и Он рядом.

Еще один существенный аспект благоговения перед Богом заключается в том, что молящийся человек в Ветхом Завете очень тщательно подбирает слова. Это действительно поэтический текст, и традиция заранее писать, составлять стихи для исполнения во время молитвы рождается именно в Ветхом Завете. Существовала целая корпорация певцов и поэтов, которые составляли эти тексты, и Давид с Соломоном – одни из самых известных, но далеко не единственные среди этих людей, которые употребляли свой талант на то, чтобы песнь, обращаемая к Богу, молитва, была написана гармонично, чтобы это красиво звучало, чтобы это красиво выглядело, и на самом деле это – целая культура процессий… Толпы, сотни левитов поднимались по ступеням Иерусалимского Храма… Эти ступени были широкими, и на каждой ступени пели следующий куплет или припев «Славьте Господа, яко благ, яко в век милость Его». И затем шли дальше, еще на одну ступень… В Псалтири это называется песнями восхождения. Написанные с ритмом, со смысловой рифмой… Они не пользовались рифмой в сегодняшнем смысле слова, звуковой рифмой, она скорее всего была изобретена Романом Сладкопевцем… Тем не менее, текст отшлифовывался, в нем подбирались слова, слова сильные, которые выражают действительно много. Никак нельзя назвать молитву Ветхого Завета «бледной» или какой-то слабой, она всегда очень яркая, очень сильная.

Да, в ней конечно звучит часто непривычный для нас темперамент, вспомните, например, окончание 136-го псалма «На реках Вавилонских, тамо седехом и плакахом»… когда псалмопевец говорит «блажен, иже имать и разбиет младенцы твоя о камень»… Если там эмоции, то они – через край, и слова выбираются так, чтобы они эмоции выражали, а не скрадывали, не прятали. Совершенно необязательно нам этому подражать. Если у нас не такой темперамент, то для нас это может быть и не органично. Но надо помнить, что псалмы, которые мы читаем и без которых не обходится молитва христиан, написаны специально для того, чтобы выражать сильные и яркие переживания. Они подчеркнуто горячи, чтобы не быть теплохладными.

Вот эта красота, гармоничность молитвы не считается тем, чем можно пренебречь. Митр. Антоний Сурожский пишет, если слова, которые ты произносишь, смущают тебя, то они будут смущать и Бога, к Которому ты обращаешься с этими словами. Ветхий Завет очень хорошо это знает на опыте, и действительно, чтобы надеяться, что Бог не возмутится, слушая, нужно употребить все свои силы для того, чтобы найти подходящие слова, чтобы они были искренними, прямыми. Кстати говоря, Ветхий Завет всегда называет вещи своими именами и малопонятных терминов никогда не употребляет. Там все названо своими ясными именами.

И еще характерная черта ветхозаветной молитвы – это всегда диалог. Она подразумевает, что мы услышим ответ. Она гораздо меньше ожидает от Бога действий в результате нашей молитвы, чем ответа. «Исцели» – и далее следует список. «Помоги» – и далее перечисление проблем. «Благослови»… – вот какова наша молитва – не всегда, но просительная во всяком случае. Мы всегда ожидаем, что Он что-то сделает, что Он совершит некоторые действия, о которых мы просим. Ну правда же, они нам нужны, и о них нельзя не просить. Конечно мы просим, а что нам еще делать? Самим, что ли исцелять? Он – Бог, а не мы. Но для Ветхого Завета гораздо важнее, чтобы Он ответил. Как Он ответит – слово скажет, сделает что-то, мы не знаем. Вот замечательный пример – еще одна молитва царя Езекии, которую сохранил нам пророк Исайя.

Когда Иерусалим осаждают войска ассирийского фараона Сеннахериба, сначала его полководец Рабсак, а потом сам Сеннахериб пишут царю Езекии письмо, что мол ты – такой-сякой, мы уже весь Ближний Восток покорили, уже Вавилон завоевали, уже то завоевали, се завоевали, и всех их богов уничтожили, храмы разрушили, и никакие эти Мардуки и прочие божества никого не спасли. Ты там на своего Бога надеешься, а нам смешно, пишет Сеннахериб. Почти буквально вот так. И вот молитва царя Езекии: он берет это письмо, приносит его в храм, кладет на престол и говорит: «вот». «Вот, что получил раб Твой – сделай так, как Ты хочешь». Он не говорит «уничтожь… победи… разгони…». Он предъявляет. Это молитва, которая, конечно, просит помощи, потому что действительно вокруг сто тысяч ассирийцев… весь Иерусалим окружен их палатками. Конечно, если Бог не вмешается, не сделает что-то, то все погибнет – город погибнет, царство погибнет, все погибнет. Но царь приносит письмо и говорит «вот». Вот что такое молитва приношения, вот что такое молитва предстательства царя за свой народ, царь считал своей обязанностью делать это.

Он приносит и говорит «сделай что-нибудь. Помоги нам». Сделай, что Ты считаешь нужным.

Важно, чтобы Бог откликнулся, отозвался на эту молитву. Тогда все имеет смысл. Имеет смысл жить, имеет смысл обращаться к Нему, если Он отзовется. Ну, и конечно же, на следующее утро все эти палатки оказались пустыми и войско куда-то делось. Прошел ночью ангел-губитель среди стана ассирийцев… Для нас важно это ожидание отклика, того, что Бог отзовется, того, что… невозможно закончить молитву, если не будет отклика. Невозможно жить, если не будет ответа. И если ты на него не рассчитываешь, то твоя молитва будет формальностью. Что-то там такое ты произнес, «вычитал», говоря языком фарисеев. Ведь вычитывание правила изобрели именно фарисеи, которые считали, что нужно пробормотать положенное количество молитв.

Итак, молитва – это диалог, в котором человек обязательно ожидает ответа. Для того, чтобы это был диалог в правде, в нем со стороны человека не может не быть покаяния и просьбы о прощении, о том, чтобы Бог не посмотрел на грехи наши, чтобы Он Сам очистил их, потому что только у Него очищение. Мы привыкли к словам «сердце чисто созижди во мне, Боже», – это один из лейтмотивов ветхозаветной молитвы. Важно исповедание того, что сам человек в себе ничего «созиждить» не может: «сердце чисто созижди во мне Ты, Боже!». «Ты прости наши беззакония», и потом перечисляются эти беззакония… как говорит царь Манассия «согрешил паче числа песка морскаго» … Покаяние занимает важное место, потому что без покаяния ты не можешь рассчитывать на диалог, а вне диалога не имеет смысла молиться. Молитва как диалог с Богом подразумевает что у участников этого диалога есть некоторые обоюдные обязательства. Жизнь в молитве – это путь вместе, который проходят участники диалога. Вся жизнь человека – это путь вместе, взаимодействие с Богом, когда Он ведет человека как Пастырь.

Для Ветхого Завета те молитвы, которые сохранены Священным Писанием, всегда одновременно являются поступками. Вот, как, например, молитва царя Езекии – действие, равнозначное собиранию войска, мобилизации, укреплению стен… он идет и молится. И это дело, это, если хотите, труд, который совершает человек. Вот песнь Моисея, которую он произносит после разрушения золотого тельца, и говорит: «Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих. Польется как дождь учение мое, как роса речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву. Имя Господа прославляю; воздайте славу Богу нашему». Внимай, земля, я буду говорить! Все должно остановиться. Слушай, небо! Все должно остановиться, происходит важное дело, важное событие: Моисей воспевает Бога. Это не так, как мы между делом в метро что-то говорим. Никогда не между делом. Отсюда происходит традиция все бросить и пойти в Иерусалим на Пасху, на целую неделю, жить не пойми где, ведь город переполнен и через знакомых нужно искать горницу, где совершить Пасху… Все равно – прийти сюда. Все останавливается, дела, сельское хозяйство, еще что-то… Прибыть в Храм. Это – дело.

Это не значит, что мы пренебрегаем всем остальным, наоборот. Молитва для нас становится вещью такою же важной, и может быть, даже более важной, чем все остальное, чем любые другие дела и события нашей жизни. Ведь если это не так, то как мы можем ею питаться? А она для нас действительно дана как хлеб. После разговора Христа с самарянкой приходят ученики и говорят, что они купили в деревне и принесли еду… Господь на это говорит им замечательные слова: «У Меня есть пища, которую вы не знаете». И ученики между собой начинают говорить: «Кто же Ему принес еды?», - быть может имея в виду ворона, питавшего пророка Илию, или что-то подобное. Господь говорит им: «Пища Моя есть творить волю Отца Моего». Для Ветхого Завета пища – это общение с Богом, то, что дает жизнь, то, что укрепляет сердце человека. И, конечно, это для нас бесценный опыт.

Для Ветхого Завета характерно такое отношение к Богу, в котором мы очень нуждаемся и называем его часто трудным для нас словом «страх Божий». Что это такое?

Посмотрим на несколько отрывков в Священном Писании, где Господь словами очень разных людей объясняет нам, что же все-таки имеется в виду под страхом Божьим. Это дает нам возможность увидеть, что мы знаем, что это такое, найти это в себе. Господь дает нам очень многое, что было бы полезно для нас в нашей духовной жизни, если бы мы это знали и этим пользовались, и этим жили.

Конечно, первое и самое важное, о чем все время говорим и мы, христиане, в новозаветное время: для нас жизненно необходимо стоять перед Богом в правде. Стоять перед Ним, ясно понимая, кто Он, и кто мы. Прав. Иоанн Кронштадский говорил, что когда

ты стоишь перед земной царицей, то ты нахожишься в некотором трепете и уважении, и с таким же уважением надо обращаться к Царице Небесной. Стоять в правде перед Богом означает видеть дистанцию, разницу масштабов того, кто Он и кто я.

Если мы забудем эту дистанцию, если мы не будем опираться на истину, что Он – Всемогущий Бог, Владыка неба и земли, сотворивший все видимое и невидимое, а мы – кусок плоти, который движется, оживляется духом, который Бог вложил в нас, если мы не будем видеть этой разницы, то мы будем подобны путешественнику с лживой картой, никогда не дойдем до места назначения, но непременно забредем в какую-нибудь пропасть. Это существенно.

И вот в связи с этим я хочу привести известное место из пророка Михея, в 6-й главе, где Господь обращается к Израилю и говорит: «Народ Мой, что сделал Я тебе и чем отягощал тебя?». Пророк размышляет об этих словах Божьих и говорит: «С чем предстать мне пред Господом, преклониться пред Богом небесным? Предстать ли пред Ним со всесожжениями, с тельцами однолетними? Но можно ли угодить Господу тысячами овнов или неисчетными потоками елея? Разве дам Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего за грех души моей». Пропасть, огромное расстояние между величием Божиим и нашей малостью так велика, что никакие, даже самые немыслимые наши усилия или дары не в состоянии дать нам возможность перейти эту пропасть, подняться от земли к небу и небесам небес, в которых пребывает Бог. Эти тысячи овнов и неисчетные потоки елея – огромная ценность для того времени; такие жертвы никто никогда не приносил, поэтому пророк изображает нечто, совершенно превосходящее человеческие силы, и говорит: «Ну и что это перед лицом Всемогущего Бога?». Ничто.

Переживание этой дистанции нами унаследовано с самой глубокой древности, с того момента, когда Бог сотворил нас; с ним тесно связано ощущение нашей хрупкости. И вот еще одно важное и хорошо известное место у пророка Иеремии в 18 главе, когда Господь ведет пророка в дом горшечника и показывает ему, как горшечник лепит из глины сосуд, и этот сосуд начинает кривиться, разваливаться… Горшечник все снова сминает в ком и лепит новый. И Бог говорит пророку: «Не могу ли Я так поступить с тобою, народ Мой, Я, который вылепил тебя как сосуд? Имею ли Я право поступить с тобой как горшечник с этим сосудом?». И пророк Иеремия в ужасе и трепете говорит: «Да, Ты имеешь на это право, да, это Ты сотворил нас». В Ветхом Завете это право Бога дополнительно обосновывается пророками, указывающими на неверность Израиля, на то, что своими грехами мы расторгаем завет (Ветхий или Новый) и Бог не обязан сохранять верность со Своей стороны. Именно поэтому верность Божия и воспринимается как такой великий, и, главное, несправедливый, незаслуженный подарок.

Из этого ощущения, что Бог велик, мы малы и Он имеет право со Своим творением делать то, что считает нужным, начинается настоящее восхождение к надежде, восхождение к тому, чтобы познать и постичь милосердие Божие. Другого пути познания всей глубины милосердия Божьего, может быть, просто нет. Вернемся к пророку Михею: следующий стих, 8-й стих 6-й главы. Пророк вопрошает о том, что маленький, немощный человек может принести Всемогущему. И он говорит слова, которые с того момента звучат на все времена: «О, человек! Сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим». Оказывается, что то, что Ветхий Завет называет страхом Божиим, имеет измерение, которого мы совершенно не замечаем. Дело в том, что страх Божий предполагает некоторую направленность на то, чтобы стать на Бога похожими. В связи с этим Ветхий Завет очень глубоко переживает тот мучительный разрыв, который возникает между нами и Богом в результате греха.

Обратимся к пророку Исайе Вавилонскому, 63-64 главы… Исайя поднимает взгляд на небо и думает о приходе Божием… Обратите внимание, эти слова написаны уже после того, как он увидел и записал свое главное пророчество: «Он взял на Себя наши немощи и понес болезни»… После этого Исайя говорит удивительные и очень трудные для понимания слова, их скорее важно не столько понять, сколько услышать и почувствовать:

-Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей?

-Я - изрекающий правду, сильный, чтобы спасать.

-Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле?

-Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною.

-Не гневайся, Господи, без меры и не вечно помни беззаконие.

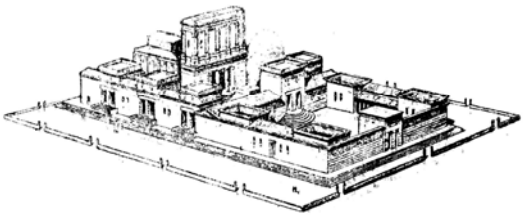
Это тоже важный момент, потому что если первая ступень восхождения – масштаб, разница, дистанция между нами и Богом, следующая – это постижение правды Божией, того, что перед лицом праведности Бога, Его святости и того, что Бог абсолютно благ, перед лицом этой праведности не устоит никакой грех и никакая грешная плоть не выживет. И эту ступеньку тоже никак обойти нельзя. Потому что это правда, и в этом уже проявляется великая милость Божия. Если бы Он соглашался на грех, то мы бы так и ползали, как черви, во грехе, и никогда не выросли бы в меру того, что Он задумал для нас. Соприкосновение правды Божией с нашим грехом должно бы привести к тому, что мы в грехе погибнем. Пророки говорят: «Горе мне, я погиб, потому что я видел праведного Бога». «Ты не можешь посмотреть в лицо Мое и не умереть, потому что ты – человек грешный». И здесь самый лучший образ, конечно, предложил апостол Павел, говорящий о соприкосновении огня и соломы, которая не может не сгореть в огне. Не может просто потому, что одно – огонь, а другое – солома.

Пророки испытывают настоящий ужас перед тем, что мы ничего не можем здесь сделать: Бог вот-вот придет! Это в третьей главе Бытия написано несколько гладко, что Он ходил в раю среди прохлады дня и, Адам спрятался в кусты… Ветхий Завет глубоко переживает, что Он готовит Свой приход, что история направлена на то, чтобы Бог воцарился – а грех еще с нами, он еще в нас! И пророк Амос говорит: «Горе желающим дня Господня! для чего вам этот день Господень? он тьма, а не свет, то же, как если бы кто убежал от льва, и попался бы ему навстречу медведь, или если бы пришел домой и оперся рукою о стену, и змея ужалила бы его. Разве день Господень не мрак, а свет? он тьма, и нет в нем сияния». Потому что Бог пройдет среди тебя, и всякое зло, и всякий грех будут выжжены и уничтожены. Это очень неприятная, очень горькая правда, потому что думать о том, что мы повинны смерти за наш грех, или думать о том, что грех – это, говоря медицинским языком, порок, несовместимый с жизнью – думать так не хочется. Но не думать об этом не будет правдой. И поэтому Ветхий Завет говорит о страхе Божием.

Это опыт духовной жизни реальных людей, невымышленных. Мы ведь себя в большой степени идеализируем, и живем так, как будто мы уже такие, какими станем по воскресении из мертвых. Мы еще не такие, нам еще до этого идти и идти. Ветхозаветный человек

“Строительство храма Соломоном”.
Гравюра Ю. Шнорр фон Карольсфельда.

Внешний вид храма.



совершенно так к себе не относится, и поэтому он переживает это чувство ужаса от содеянного и ужаса от собственной беспомощности. Потрясающие слова пророка Иеремии: «Может ли барс изменить свои пятна и эфиоплянин изменить свою кожу? Так и вы, можете ли делать доброе, навыкнув делать злое?» Мы ничего с этим не можем сделать.

И при всем этом каким-то удивительным образом это переживание становится стимулом к действию. Вот что говорят впрямую о страхе Божием несколько книг Ветхого Завета. Во-первых, книга Иова, 28 глава, Иов говорит о Премудрости, причем это типичная библейская поэзия, которая построена на параллелизмах, на том, что два раза повторяется одна и та же мысль в разных формулировках, это такой способ рифмовать смысл. Иов говорит о Премудрости «Бог знает путь ее, и Он ведает место ее. Ибо Он прозирает до концов земли и видит под всем небом. Когда Он ветру полагал вес и располагал воду по мере, когда назначал устав дождю и путь для молнии громоносной, тогда Он видел ее и явил ее, приготовил ее и еще испытал ее и сказал человеку: “Вот, страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла – разум”. Вот это – библейская поэзия. Премудрость и разум – одно и то же, два синонима, и точно так же страх Господень и удаление от зла – тоже синонимы. Таким образом, ужас от греха и переживание покаяния и праведности Божией тоже не последняя ступень в нашем восхождении, и на этой ступени Ветхий Завет ни в коем случае не останавливается. Разум, премудрость, путь жизни в том, чтобы удаляться от зла, и это и называется страхом Господним, и побудительным мотивом, стимулом того, чтобы нам удаляться от зла, оказывается переживание, которое Библия называет страхом Божиим.

Дальше, в Притчах Соломоновых несколько раз говорится об этом; не только в том знаменитом месте, которое мы все знаем: «Начало Премудрости – страх Господень». Вот, 13-й стих восьмой главы: «Страх Господень» – это: «ненавидеть зло; гордость и высокомерие, и злой путь, и коварные уста я ненавижу». «Начало мудрости - страх Господень, и познание Святаго – разум» – таким образом, наша глубоко таящаяся, прячущаяся в сердце потребность или желание перестать быть такими, какими мы есть, и стать праведными, стать подобными Богу в Его праведности, как Он говорит: “Будьте святы, потому что Я свят”. Вот это и есть… желание праведности и есть страх Господень. Еще одно место, в котором об этом идет речь, тоже хорошо всем известное, это 19-я глава книги Левит. Здесь перечисляются заповеди. Одна за другой – заповеди, заповеди… И вот с 13 стиха: «Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра. Не злословь глухого и пред слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему; бойся Господа Бога твоего. Я Господь Бог ваш». Вот это выражение «Я Господь» как бы запечатывает эти слова именем Господа Бога. Перед слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему – не делай подлости ближнему твоему – бойся Господа Бога твоего. Это одно и то же, это сущностно связанные вещи: не делать зла ближнему и бояться Бога. Почему? Продолжим читать дальше: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоем; обличи ближнего твоего, и не понесешь за него греха. Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь Бог ваш».

Но люби ближнего твоего как самого себя… Эту фразу из Левита мы все, конечно, знаем хорошо. Вот о чем идет речь: отношение к Богу, которое Ветхий Завет называет страхом Божиим, коренится в очень сильном и очень глубоком уважении к другому. К тому, что другая личность – кто бы это ни был, Бог или человек – другой, он не просто ценен, не просто важен. Он настолько ценен и важен, что вся моя жизнь, все заповеди строятся вокруг того, чтобы не принести ему зла и вреда. Не обижай ближнего твоего, почитай Господа твоего – эти слова оказываются речью об одном и том же. Об одном отношении к другому. И разъясняется смысл всего этого в притче о Последнем Суде, когда Господь говорит: «что вы сделали одному из малых сих, то Мне сделали».

Мы не можем относиться к другому с почтением, если это Бог, и без почтения, если это человек. О том же самом пишет апостол Иоанн: «Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?». По-видимому, Господь знает нас лучше, чем мы сами, и знает, что мы к другим относимся всегда однотипно. Если мы не любим ближнего, то не любим и Бога, если мы сумеем любить Бога, то сумеем любить и ближнего. И вот это важнейшая вещь в страхе Божием: чтобы нам, тоже, как Бог, возненавидеть зло. Притчи говорят: страх Господень – ненавидеть зло. Праведность Его в том, что в Нем нет никакого зла, и поэтому мы призваны уподобиться Ему в этом.

Священник Антоний Лакирев

ПРОПОВЕДЬ В КРАСКАХ

Во всем русском изобразительном искусстве, кажется, нет другой картины, которая вызывала бы такие споры и была так неразгаданна до сегодняшнего дня, как огромное эпическое полотно Александра Иванова, художника середины XIX века «Явление Христа народу».

О самом художнике мы знаем, что он был сыном исторического живописца, академика и профессора Императорской Академии художеств, Андрея Ивановича Иванова. Родился в 1806 году в Петербурге, поступил в Академию в 1817 году и проучился там 10 лет. Это были годы президентства А.Н.Оленина, придворного чиновника, знатока и поклонника Древней Греции, литератора и художника – любителя, друга и покровителя литераторов, художников, ученых, что не могло не сказаться на студентах Академии, в том числе на А.Иванове. В 1824 году он пишет картину на античный сюжет из «Илиады» Гомера «Приам испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора», за которую получает вторую золотую медаль. А в 1830 году он отправляется в Италию как получивший пансион от Общества поощрения художников. Предполагалось, что он пробудет в Италии три года, за которые завершит свое художественное образование, изучая и копируя произведения великих мастеров Возрождения, а также выполнит самостоятельно 2-3 композиции, которые по возвращении на родину послужат отчетом его успехам и дарованию. Жизнь рассудила иначе, и Александр Иванов вернулся в Россию лишь спустя четверть века, совершив подвиг художника и гражданина, создав великую картину и почти 600 эскизов и этюдов к ней, которые по своим художественным достоинствам являются самостоятельными завершенными шедеврами.

Как и все пансионеры Общества поощрения художников, Иванов был связан определенной программой. Но вскоре внимание художника сосредоточилось на двух темах: классической («Апполон, Гиацинт и Кипарис, занимающиеся музыкой и пением») и библейской (история Иосифа Прекрасного). Однако первая картина осталась незаконченной, а вторая неосуществленной. Трехгодичный срок пансиона истекал, а Иванов не мог ничем отчитаться перед Обществом, без поддержки которого он не мог бы существовать. Тогда-то он переносит на полотно один из самых возвышенных и трогательных эпизодов Евангелия. Он создает картину «Явление Христа Марии Магдалине», которая явилась определенной вехой в его творчестве. Тогда же у него созрел замысел огромного эпического полотна. Библейские сюжеты занимали его сильно. Оставаясь в рамках вековых традиций, художник пытается найти ответы на вопросы своего времени. Он изображает на картине момент прихода в мир Спасителя. Несколько евангельских сюжетов соединяются в один: проповедь Иоанна Крестителя, появление Христа, его учеников. Он изображает Иоанна, возвещающего пришествие Мессии, призывающего людей к покаянию и нравственному очищению, символом которого, становится крещение в иорданских водах; идущего к нему Христа; апостолов, внимающих пророку и поглощенных видением Спасителя; фарисеев, пришедших обличить Иоанна; толпу, в которой есть и кающиеся крестившиеся, верующие и сомневающиеся, надеющиеся и отчаявшиеся. События разворачиваются на каменистом, почти лишенном растительности береге реки, поднимающемся пологим холмом. Отсюда видны далекие, тающие в голубой дымке горы, долина, где в рощах и садах виднеются какие-то строения. Слева – деревья с искривленными узловатыми ветками и мелкой листвой. Справа – силуэты гор, постепенно понижаясь, припадают к линии горизонта, уходя в бесконечную небесную синеву. Художник ломает рамки привычной композиции, объединяя несколько евангельских эпизодов, что придает ей многоплановость и глубину, когда каждый персонаж картины предстает как носитель протяженной в пространстве и времени судьбы.

Здесь Иоанн Креститель, в овчине и грубом плаще, с крестом в руке, еще идущий, еще не остановившийся, еще проповедующий, весь устремленный вперед. Но его земной путь уже закончен, потому что Спаситель уже пришел в этот мир. За спиной Иоанна уже стоят апостолы: юный Иоанн, величественный старец Андрей, «прислушивающийся (Петр), «сомневающийся» (Нафанаил). В толпе, стоящей на склоне холма, выделяются двое: мужчина в коричневой хламиде с космами спутанных волос и молодой левит в белых праздничных одеждах. Оба они стремительно повернулись, словно следуя повелительному жесту Иоанна Крестителя. От этих двоих как - будто протянулись незримые нити, связующие воедино разрозненных людей.

А подле этих толпы, словно поднятые на возвышение и противостоящие ей, старец и юноша, повернувшийся спиной, с головой, обвитой черными косами. Назареи, аскеты-подвижники, предшественники христиан, они вглядываются в Христа, словно узнавая его. Заключают толпу на заднем плане два римских всадника и воин с копьем. В прозрачном воздухе отчетливо вырисовываются крест в руке Иоанна и копье воина – орудия казни, символы страданий Христа.

Смысловым центром картины является фигура Спасителя, а центром композиционного построения – руки Иоанна Крестителя, простертые к нему. Это несовпадение сообщает композиции напряженный динамизм.

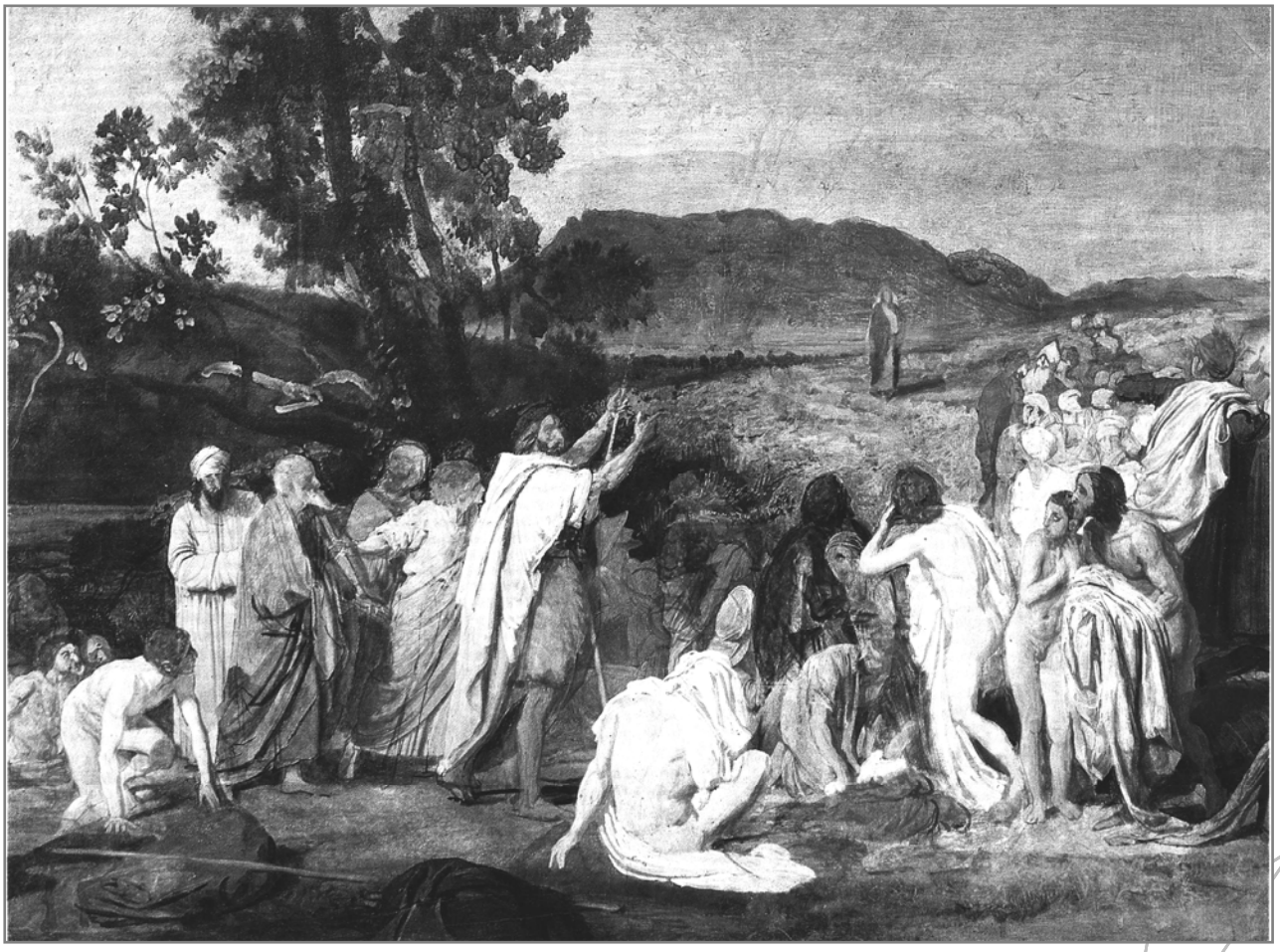
Между тем в картине есть два не совсем обычных образа, которые никак не соответствуют евангельским персонажам. Под рукой Иоанна мы видим профильное изображение странника с бородой и в шляпе. Это автопортрет самого художника Александра Иванова, который сделал себя свидетелем этих событий. Он поместил себя в тень Иоанна Крестителя. Вместе с тем он внимательно наблюдает пришествие Спасителя в этот мир.

А в самом близком к Христу персонаже («кающемся»), но в толпе фарисеев, мы можем разглядеть профиль великого писателя Н.В.Гоголя, с которым Иванов очень сдружился в Италии. В это же самое время Художник пишет портрет Гоголя в коричневом халате. Он и переносит этот образ в картину в хламиде коричневого цвета, напоминающей гоголевский халат. Русский искусствовед Н.Г.Машковцев, изучающий творчество Иванова, нашел доказательство того, что художник «примерил» профиль Гоголя на большинство героев картины: отца (персонажи «дрожащих», прототипом которых послужили отец и сын Виельгоские, причем мальчик скончался от чахотки на руках Гоголя в Риме), апостола Андрея, персонажей правой части картины. Существует этюдный рисунок раба, лицо которого также напоминает Гоголя. Скорее всего здесь мы наблюдает попытку художника призвать к покаянию писателя, а может это была попытка самого Гоголя, ведь два мастера долгое время были неразлучны в Италии. Александр Иванов изобразил событие, под воздействием которого человечество обретает новые духовные и нравственные ценности, в результате чего преобразуется мир.

Судьба картины была трагична. В конце мая 1858 года Иванов возвратился в Петербург. Он привез с собой все свои картины, которые были написаны за четверть века в Италии. В начале июня картина «Явление Христа народу» была выставлена в Академии художеств. Успеха у публики она не имела. Это было ударом для художника. Через месяц его не стало.

Прошло время и мы снова и снова обращаемся к творчеству Александра Иванова. И как бы не менялись вкусы, художественные направления, одно остается неизменным – признание Александра Иванова как величайшего русского художника, а его картины – как одного из самых неразгаданный русских полотен.

А.Колпакова



Прп.Ефрем Сирин

“Обличение самому себе и исповедь”

Будьте, по сердоболию своему, сострадательны ко мне, братия. Ибо не напрасно сказало божественное Писание: брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок, укрепляется же, яко основаное царство Притч., 18, 19). И еще говорит: исповедайте друг другу согрешения и молитеся друг за друга, яко да исцеление (Иак. 5, 16). Итак, избранники Божии, склонитесь на воззвание человека, который обещался благоугождать Богу и солгал Сотворившему его, — склонитесь, чтоб ваших ради молитв избавиться мне от обладающих мною грехов, и, соделавшись здравым, восстать с одра тлетворного греха; потому что еще с детства стал я сосудом непотребным и нечестным. И теперь, когда слышу о суде, не обращаю на сие внимания, как будто стою выше падений и обвинений. Других увещаваю удерживаться от вредного, а сам в двойной мере делаю это.

Увы мне, какому подпал я осуждению! Увы мне, в каком я стыде! Увы мне! Сокровенное мое не таково, как видимое. Поэтому, если не возсияют для меня вскоре щедроты Божии, то нет у меня никакой надежды спастись делами. Ибо говорю о чистоте, а думаю о непотребстве; веду речь о бесстрастии, а помышление у меня и день, и ночь о бесчестных страстях. Какое же буду иметь оправдание? Увы мне, какое готовится мне истязание! Подлинно у меня образ только благочестия, а не сила его…

Итак, что же? Отчаиваться ли мне в своем спасении? Ни мало. Ибо сего только и домогается противник. Как скоро доводит он кого до отчаяния, тотчас низлагает его. А я не отчаиваюсь в себе, но твердо полагаюсь на Божии щедроты и на ваши молитвы. Почему не переставайте умолять человеколюбца Бога, чтоб сердце мое освободилось от рабства бесчестным страстям. Ожестело сердце мое, изменился рассудок мой, омрачился ум мой.

Слава Тебе, Снисходительный! Слава Тебе, Долготерпеливый! Слава Тебе, Незлобивый! Слава Тебе, Благий! Слава Тебе, единый Премудрый! Слава Тебе, Благодетель душ и тел! Слава Тебе, который сияешь солнце Свое на злыя и благия, дождишь на праведныя и неправедные (Матф. 5, 45)…

Велико владычество Твое, и щедроты Твои на всех делах Твоих, Господи (Псал. 144, 9). Потому умоляю Тебя, Господи, не отринь меня с теми, которые говорят Тебе: “Господи, Господи”, - и не творят воли Твоей (Матф. 7, 21). — Умоляю Тебя молитвами всех благоугодивших пред Тобою. Ибо известна Тебе кроющаяся во мне страсть, Ты знаешь язвы души моей. Исцели мя, Господи, и исцелею (Иер. 17, 14).

Потрудитесь со мною, братия, в молитвах. Просите щедрот у благости Его. Усладите душу, которую грехи сделали горькою. По вашему прошению да предварят меня щедроты Божии, пока не повлечен я вместе с делающими беззаконие. Там обнаружится и что сделано во тьме, и что сделано явно. Какой стыд объимет меня, когда осужденным увидят говорящие теперь, что я неукоризнен! Оставив духовное делание, покорился я страстям. Учиться не хочу, а учить рад. Подчиниться не хочу, а люблю, чтобы подчинялись мне.

Трудиться не хочу, а люблю утруждать других. За делом быть не люблю, а люблю присматривать за чужими делами. Не хочу оказывать чести, а люблю, чтоб честили меня. Не хочу, чтоб упрекали меня, а люблю упрекать. Не хочу, чтоб уничижали меня, а люблю уничижать. Не хочу, чтоб гордились, а люблю гордиться. Не хочу, чтоб уличали меня, а люблю уличать. Не хочу миловать, а ищу помилования. Не хочу слушать выговоров, а люблю делать их. Не хочу, чтоб обижали меня, а люблю обижать. Не хочу, чтоб делали мне вред, а стараюсь вредить.

Не хочу, чтоб наговаривали на меня, а люблю наговаривать. Не хочу слушать, а домогаюсь, чтобы слушали меня. Не хочу, чтоб властвовали надо мною, а люблю властвовать. Мудр я на то, чтоб давать советы, а не на то, чтоб самому исполнять. Что делать должно, то говорю; а чего не должно говорить, то делаю.

Кто не будет плакать о мне? Плачьте, святые и праведные, плачьте о мне, зачатом в беззакониях. Плачьте, возлюбившие свет и возненавидевшие тьму, плачьте о мне, возлюбившем дела тьмы, а не света. Плачьте вы, которые стали выше всякого порицания, плачьте о мне, погрязшем в беззакониях. Плачьте, возлюбившие доброе и возненавидевшие лукавое, плачьте о мне, возлюбившем и возненавидевшем добро. Плачьте вы, стяжавшие доблестную жизнь, плачьте о мне, который по наружности только оставил мир. Плачьте, угодившие Богу, плачьте о мне человекоугоднике. Плачьте вы, стяжавшие совершенную любовь, плачьте о мне, который на словах люблю, а на деле — ненавижу ближнего. Плачьте вы, заботливые о себе самих, плачьте о мне, который занимаюсь чужими делами. Плачьте вы, приобретшие терпение и плодоносящие Богу, плачьте о мне нетерпеливом и бесплодном. Плачьте вы, возлюбившие вразумление и учение, плачьте о мне, невежде и человеке бесполезном. Плачьте вы, непостыдно приходящие к Богу, плачьте о мне, который недостоин возвести взор и видеть высоту небесную. Плачьте вы, приобретшие кротость Моисееву, плачьте о мне, погубившем ее добровольно. Плачьте вы, приобретшие целомудрие Иосифово, плачьте о мне — предателе целомудрия. Плачьте наследники небесного царства, плачьте о мне достойном геенны огненной.

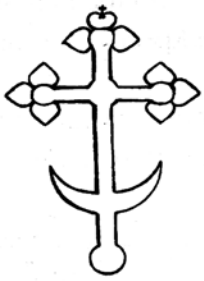
Горе мне! Потому что грех не оставил у меня ни члена здравого, ни чувства, которого бы не растлил. Конец при дверях, братия, и это не озабочивает меня. Вот открыл я вам язвы души своей. Ибо готовлюсь я к противоборству со страстями, но прежде, нежели вступаю с ними в борьбу, злохитренность змия расслабляет крепость души моей сластолюбием, и делаюсь я пленником страстей. Еще стараюсь из пламени исхитить в нем сгорающего, и запах огня влечет меня, по молодости моей, к огню. Еще стремлюсь спасти утопающего и по неопытности вместе с ним утопаю. Желая стать врачом страстей, сам остаюсь в их власти, и вместо врачевания наношу раны страждущему. Сам слепец и покушаюсь водить слепцов. Почему имею нужду во многих о себе молитвах, чтоб узнать мне меру свою, и чтобы благодать Божия приосенила меня и просветила омраченное сердце мое, и вместо неведения вселила в меня божественное ведение: яко не изнеможет у Бога всяк глагол (Лук. 1, 37)…

Сколько раз полагал я в себе пределы, и строил стены между собою и между беззаконным грехом и теми противниками, которые выходили со мною на брань! Мысль моя преступала пределы и подрывала стены; потому что пределы не были обезопасены страхом Всесовершенного, и стены не были основаны на искреннем покаянии.

Посему и теперь ударяю в дверь, чтоб отверзлась она для меня; не перестаю просить, чтоб получить просимое; как бесстыдный, домогаюсь себе помилования, Господи. Ты даруешь мне блага, Спаситель, а я воздаю за них лукавством. Будь долготерплив ко мне развращенному. Не об извинении за праздные слова умоляю Твою благость, но прошу у нее прощения нечестивым делам. Пока не постиг меня конец, освободи меня, Господи, от всякого лукавого дела, чтоб обрести мне благодать пред Тобою в час смертный: ибо во аде кто исповестся Тебе (Псал. 7, 6)? Спаси душу мою, Господи, от будущего страха, и по щедротам и по благости Твоей убели оскверненную мою ризу, чтоб и я недостойный, облекшись в светлую ризу, сподобился небесного царства, и достигнув нечаемой радости, сказал: "Слава Избавившему сокрушенную душу от уст львовых и Поставившему ее в раю сладости!" Потому что Тебе Всесвятому Богу подобает слава во веки веков. Аминь.

Вопрос: Некоторых моих знакомых смущает то, что на куполе Успенской церкви внизу креста распологается полумесяц (мусульманский символ). Что это значит?
Раба Божия Тамара.

Ответ: Крест четырехконечный с полукружием внизу, с концами полумесяца, обращенными вверх, с древних времен ставят на куполах храмов. Означает этот символ – якорь спасения, якорь упокоения нашего в Небесном Царстве. Это соответствует понятию о храме как о корабле, плывущем в Царство Божие.



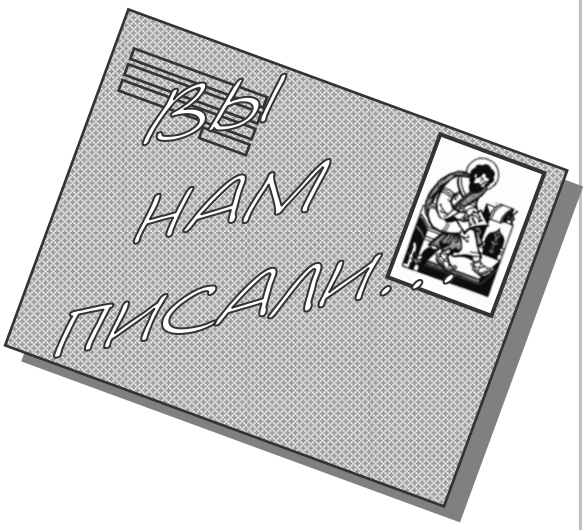
Вопрос: Прочитал в катихизисе, что христианин должен быть всем довольный. Как это может быть?
Раб Божий Валентин.

Ответ: Предлагаем Вам поучение священника М.Менетрова. Некий господин, отправляясь в чужую страну, роздал все имение своим слугам, дав одному пять талантов, другому — два, третьему — один. Получивший пять талантов трудился ревностно и удвоил их. То же сделал и получивший два таланта. Получивший же один талант пошел и закопал его в землю, не сделав из него никакого употребления с целыо его увеличения. Чрез несколько времени возвратился господин и спросил отчета у слуг своих относительно употребления талантов, которые он им дал. Когда получивший пять, равно как и тот, кто получил два таланта, заявили господину своему, что они удвоили их, то господин удостоил их похвалы, как добрых и верных слуг своих, и сказал им. «Войдите в радость господина Своего».

Но когда предстал пред господином получивший один талант, и вместо того, чтобы умножить его, скрывший его в землю, оправдывая свое поведение разными вымышленными предлогами (господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал), то господин назвал его лукавым и ленивым и, взяв от него талант, отдал его имеющему десять.

Слушатели-христиане! Раб, получивший один талант, очевидно, не был доволен своим положением. Он видел, что другие слуги того же господина получили по пяти и по два таланта, а на его долю остался только один. Стоит ли, думал он сам с собою, трудиться из-за одного таланта? Много ли я на него приобрету? Не лучше ли оставить его без прибыли? «И пошел и скрыл свой талант в земле».

Недовольство своею участью, от которого люди часто впадают в зависть, ропщут — общая болезнь. Всем-то мы недовольны, всего-то нам мало. Мы охотнее смотрим на то, чего нам недостает, чем на то, что мы имеем; замечаем то, что теряем, а не то, что остается; смотрим на то, что имеют другие, а не на то, чем обладаем сами.



Все это происходит от превратного направления нашего разума, отпавшего от веры, от ненасытной и слабой нашей воли и от лености и бездействия. Александр Македонский завоевал почти всю Азию и не был доволен. Соломон наслаждался всем и имел все, чего только можно пожелать, и однако ж не довольствовался. Крепкая воля всегда сказала бы душе недовольной: «Теперь замолчи и будь, наконец, довольна!».

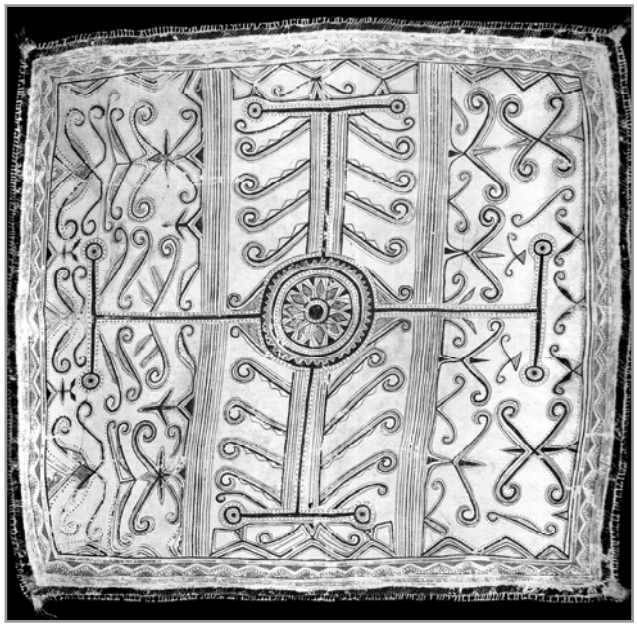
Раб, роптавший на господина своего, был ленив. Удивительно ли, после этого, что он не довольствовался одним талантом? Он не был бы доволен и тогда, если бы у него было пять талантов. Труд человека делает довольным, а леность, напротив, отнимает и то, что человек имеет.

«Роптать на недостаток благ земных — не умно: человек должен быть выше всего земного, Бог сотворил человека для деятельности, а не для наслаждений, расслабляющих душу и тело. Совершенное равенство невозможно: разнообразие — принадлежность совершенства; бедность допускается или как наказание за грехи, или как предостережение от грехов» (Мефодий, еп. патарский).

Будьте же довольны своим положением и участью; не ропщите и не завидуйте, а преумножайте каждый тот талант, который вам вручен Господом Богом. Знайте, что Бог есть наш Отец, который всегда, даже в нуждах печется о нас, что неравное раздаяние земных жребиев соразмеряется с силами каждого и с премудростью и благостью Божиею, что земля не есть наше отечество, и потому нечего ожидать здесь совершенного довольства и блаженства.

Зеркало души народной

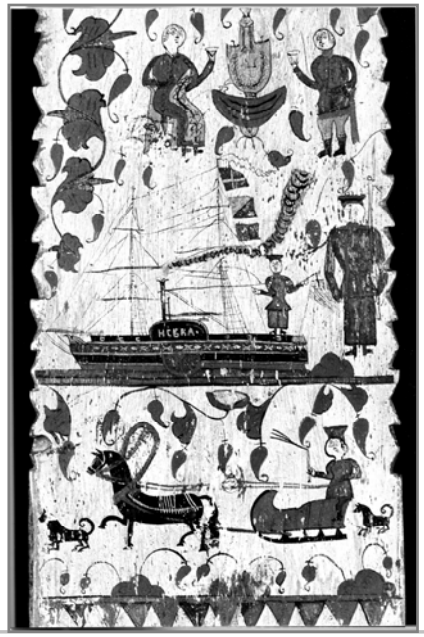
Декоративно-прикладное искусство делало свои первые шаги еще на заре развития человечества. Тогда в мире хаоса оно, как и другие формы искусства, помогало человеку выживать в сложных и непонятных для него условиях. Произведения искусства были своеобразным продуктом адаптации человека к окружающей среде, формой объяснения устройства мира, как уже отмечалось, и формой поиска своего места в этом загадочном мире. В эпоху, когда еще не сформировалась письменность как таковая, орнамент был одним из важнейших способов передачи жизненно важной информации. В орнаменте часто звучала обобщенная, переданная через символ, картина мира, где было все упорядоченно и понятно. Такие картины-символы, зачастую вызывающие у современного человека непонимание и отторжения, в обществе, где они создавались, формировали атмосферу психологического комфорта и уюта. Предметы быта: утварь, одежда, орудия труда, оружие – были не только функциональны (имели практическое применение), но и обязаны были постоянно воспроизводить уже созданную предыдущими поколениями картину мира. В те далекие времена она почти не изменялась, по сути, выступая своеобразной формой заклинания, обращения к миру не трансформироваться, не принимать другой облик. Современные традиционные народы часто используют этот прием. Посмотрите на платок, выполненный индейцами Северной Америки. Для нас с вами это просто схема, затейливая и непонятная, а для ее создателей это объяснение устройства мироздания, где неотъемлемыми частями всегда выступают центр мира, древо жизни, дружественные и враждебные территории. Таким образом, в произведениях декоративно-прикладного искусства и первобытных и традиционных народов передавались те образы, которые волновали их воображение, отвечали их насущным потребностям.



Платок североамериканских индейцев 1740 год.

С появлением письменности и быстрым развитием других видов искусства в странах Древнего Востока и античного мира, казалось бы, необходимость в иносказательной, символической передаче информации на бытовых предметах отпала. Тем не менее, и формы предметов, и орнаменты, и свободные композиции, которые воспроизводились тогда в декоративно-прикладном искусстве, показывают, что через предметы быта народные мастера продолжали передавать образы-символы миропорядка, причем зачастую центральным образом таких изображений становится человек.

В средние века, когда жизненные приоритеты резко меняют свое направление, люди искусства ищут поле для творчества в мире христианских образов. Здесь, на наш взгляд, наиболее ярко проявляется одна из особенностей декоративно-прикладного искусства, заключающаяся в том, что художественный язык, используемый в произведениях декоративно-прикладного искусства, формируется не в нем самом, а нередко заимствуется из других видов пластического искусства. Ярким примером могут служить разнообразные романские и готические реликвариумы, воспроизводящие формы храмов той поры, приемы построения живописных и скульптурных композиций данных эпох, иконографические схемы. Одним из объяснений этого явления может служить тот несомненный факт, что мастера прикладного искусства использовали в своих работах те образы, которые уже стали живыми, духовно наполненными и постоянно востребованными народом символами. Символами нравственного смирения, очищения и подвига.



Прялка. Сцены из Жизни матроса (фрагмент, втор. половина 19 в.).

Очевидно, что в таком кратком обзоре сложно дать более полную палитру изменений, которые происходили в мотивах и сюжетах, используемых в декоративно-прикладном искусстве в процессе исторического развития. Несомненно, однако, и то, что эти изменения всегда отражали трансформацию картины мира, жизненных устоев народа.

Разговор на предложенную тему будет неполным, если мы не рассмотрим роль традиций и новаций в декоративно-прикладном искусстве. С одной стороны, традиции помогают искусству быта оставаться самобытным, его традиционным формам узнаваемыми, а, значит, помогают в самоидентификации народа, маркировке среды. С другой - новации актуализируют эти произведения, делают это искусство более живым, интересным. В декоративно-прикладном искусстве всегда есть место для импровизации на основе уже существующих традиций и тех насущных изменений, которые происходят на глазах художника-прикладника и поражают его воображение. Так, например, в конце девятнадцатого века в традиционные мотивы северо-двинских прялок вихрем врываются изображения пароходов, которые только что появились в тех местах, а как сильно меняются традиционные сюжеты палехских шкатулок в двадцатые годы прошлого века. (Правда, в данном случае необходимо отметить довольно быстрый возврат к традиционной тематике.)

Таким образом, в декоративно-прикладном искусстве, как в зеркале, отражаются бытующая на данный момент картина мира, резкие изменения в ней, особенности менталитета народа, своеобразие его художественного языка. Множество тайн хранят в себе предметы быта, немного приоткрыть их можно только, если попробовать внимательно и толерантно изучить культуру данного народа.

Г.Буржанова

Клюквенники. Прошлое и настоящее

1. Преступление, караемое бессрочной каторгой.

С давних времён отчаянных, покушающихся на богатства церквей, храмов, скитов и монастырей называли клюквенниками.

Средневековая Русь чаще всего творила самосуд на месте преступления, а если преступник доживал до суда, то приговор был один, сохраняемый вплоть до Октябрьской революции – бессрочная каторга. Умерших «святотатей» хранили за церковной оградой наравне с самоубийцами. В лучшем (или худшем случае!) преступник отлучался от причастия на 15 лет и не допускался в церковь далее притвора.

Грабёж храмов процветал во время войн и смут. Лихие молодцы драли не только оклады в самоцветах и забирали золотые, серебряные предметы обрядов. В церквах набожные прихожане в благодарность за исцеление или услышанную Богом молитву украшали иконы драгоценными ювелирными изделиями, просто жертвовали храмам золотые монеты и самоцветные камни.

Лукавый Гоголь, написавший о подозрительно богатых кладах, которыми владеет сатана, так и намекнул: “Серьги – уши кусают, монисто – задушить могут, перстни – пальцы крутят...” Множество кладов, зарытых шайками разбойников – святотатцев, так и не даются в руки добрым людям, чтобы не ввести их в грех. И тот же гоголь, человек набожный, предостерегал в одной из своих легенд о соблазнившемся ожерельем дивной красоты - запорожце, который, желал сделать богатый дар невесте, снял ожерелье с иконы в скромной церквушке. Страшные, хотя и сказочно рассказанные события, последовали потом…

В более позднее время, век19, начало 20-го, клюквенников можно было буквально по пальцам пересчитать. Самые матёрые убийцы и громилы, чтили крест и старались по церквам не лазить, Бога не гневить. Тем более что по обычаю, церкви не запирались. На каторгах клюквенники долго не задерживались – убивали их сами каторжане, как порченных, или создавали такие условия, чтобы сами сгинули.

«Клюква» - на воровском жаргоне церковь. Возможно из-за обилия куполов, как ягоды на кусте, криминал прозвал так церковь. Но слово «клюква» появилось в воровском жаргоне в начале XIX века, способствовали этому представители дворянского сословия. В 1797 году императором Павлом I был учреждён орден Святой Анны четырёх степеней. На награде четвёртой степени красовался финифтевый медальон с крестом и короной, который крепился на кончик эфеса шпаги, сабли. Из-за своего яркого цвета и большой распространённости, медальон, красневший на рукояти холодного оружия, и получил народное ироничное название «клюква». Он был украшен крестом, который находился на самой маковке эфеса, в миниатюре напоминающий церковный купол (рис. на следующей странице).

А лингвисты объясняют всё просто: клюква – значит «клюква». В зависимости от местности нарекали и клюшниками, и кликушниками, и клюкарями. Возможно, «на разведку» преступники отправлялись в толпе массы пожилых прихожан, действительно, часто странников, с клюками, взяв в руки «клюшки» - палки.

Но как бы ни называли этих преступников, кража старинных икон, ценность которых для истинно верующих не измеряется деньгами, отзывается больно и горечью в сердце, и эта категория преступников является самой изощрённой и гнусной.

2. Государство и его граждане, совершившие святотатство.

В первые же годы после революции церковь была отделена от государства, и большевики сами принялись за расхищение церковного имущества. В 1922 году вышел декрет правительства о конфискации всех церковных ценностей, включая священные предметы. Это делалось якобы в целях помощи голодающим крестьянам Поволжья. Церковное золото и серебро новая власть переплавляла и чеканила в новые советские дензнаки.

В начале 20-х годов по стране пересказывали анекдот, как в деревню для государственных закупок сельхозпродукции привезли новые советские деньги. Деревенские мужики начали на монеты – креститься. Им говорят:

- Чего креститесь, деньги то советские!

А мужики говорят:

- Деньги советские да серебро то церковное. На базаре тётка, получившая новенький советский полтинник, расплакалась и стала целовать монету, крестясь. Её спрашивают: “Тётка, что делаешь? Ведь это советские безбожницкие деньги”. “Да я знаю”, - отвечает, - а только серебро на них из наших святых образов взято.

Только после развала СССР были обнародованы факты продажи большевиками старинных икон и ценностей за границу. Росли ряды безбожников и атеистов, храмы разорялись и приходили в запустение, а церковная утварь росла в цене на чёрных рынках. Мастера воровского дела, «спецы» по церквам оживились.

Те же, кто продолжал верить в Бога ,вспоминали прежние времена, что при царе церковные грабежи назывались святотатством, а в советские годы – культурной революцией. Церкви становились всё более незащищёнными и от большевиков, и от воров. Хотя, когда весной 1918 года воры пробрались в патриаршую ризницу Кремля и похитили из неё бесценные исторические предметы культа, вся милиция столицы их искала. Этот факт отражён даже в романе, вышедшем в 60-е года, «Тайна Хитрова рынка», если не ошибаюсь.

Воров нашли и распорядились их судьбами по революционным законам. Но это факт частный: слишком уж огромной ценности сокровища вынесли тогда громилы и дело получило огласку.

А так в эпоху построения коммунистического общества ограбление и разрушение церквей носило массовый характер. Иногда «коллекционеры», катаясь по деревням, могли подешевле, а то и просто прихватить много ценного. Кто представлялся художником, кто – историком, или реставратором. Или врали: дескать, для новой церкви утварь собирают.

С крушением социализма в Восточной Европе открылось множество «каналов», через которые на запад потекли «модные» православные иконы, ценная утварь.

Если к моменту распада СССР где-то 400 «иконных» преступлений в год была норма, то к концу 20-го столетия - более 5 тысяч в год. Убытки исчисляются 20 миллионами долларов. О каких, впрочем убытках, мы говорим, если речь идёт о моральном и духовном облике россиян?

В первые годы «новой, самостоятельной России» начался новый «взлёт» клюквенничества. И теперь на международных торгах, аукционах всё чаще идут русские иконы по бросовым ценам. Таможенники честно признаются, что лишь десятая часть контрабанды остаётся в России. Церковный промысел процветает в Европе. Всё отлажено – отработано.

Только не случайно брезговали дореволюционные каторжане «клюквенниками»…Современные знатоки «досок», как разудало называют они иконы многое не знают, что может их ожидать. Руку то к Богу тянут, Божьим имуществом торгуют.

3. Дело Дейниховского и “компании”.

В архивах МВД хранится многотомное уголовное дело № 364, в обвинительном заключении которого впервые было официально зафиксировано, что в СССР появилось такое «сугубо западное» явление, как организованная преступность.

Но следователям и оперативникам тогда было не до прогнозов и глобальных выводов. Они просто хорошо поработали – ликвидировали много-численную преступную группировку в феврале 1983 года. Следствие подтвердило печальный факт, что криминальная революция, как и

большевистская смута в 1917 году, началась с разорения православных храмов и церквей.

Преступная группа Дейнеховская за несколько лет своей деятельности совершила десятки краж икон в церквах Московской, Владимирской, Горьковской, Костромской, Рязанской, Тульской и Ярославской областей.

Разоблачение хорошо организованной, продуманной деятельности воров-святотатцев началась со случайности.

В октябре 1981 года на трассе, у Москвы, офицер ГАИ «притормозил» «Жигули» шестой модели без номера. С документами оказалось всё в порядке, но Гаишник решил заглянуть в багажник. Водитель что-то вдруг «напрягся», стал возражать. По днищу кузова были разбросаны иконы, на которых лежал массивный серебряный крест. Доводы водителя и пассажира, что они ярые коллекционеры уже «не звучали»; в правом углу багажника лежало обычное воровское снаряжение: ломик – фомка, ножовка по металлу. Задержанных препроводили в отделение, по базе данных пробили паспорта. Любители старины, Сорокин и Чхеидзе, сообщили: крест и иконы купили у “какого-то мужика” за триста с половиной сотни рублей на колхозном рынке в Переславле-Залесском. Дежурный всё таки набрал номер «Петровки 38» и, как мог, описал лики святых изображений на образах. Из Мура ответили: иконы и крест спрятать в сейф подальше, а с задержанных глаз не спускать. Накануне, в Горьковской области, была ограблена Казанская церковь в селе Румянцево, откуда вместе с другими иконами и предметами старины исчез редчайший образ Божией Матери «Всех Скорбящих Радости» в уникальном серебряном окладе работы

известного мастера Хлебникова. Да и к Сорокину и Чхеидзе у следователей было немало претензий. В уголовном мире это были известные клюквенники. Но особый интерес для МУРа задержанные представляли как представители крупной преступной группировки, которую возглавлял неуловимый Анатолий Петрович Дейнеховский. Взять «Петровича», как называли главаря банды в коллекционном мире столицы, было давней мечтой следователей. Взять с поличным.

Конечно, если удастся «разговорить» Сорокина и Чхеидзе. По факту кражи в Горьковской церкви было возбуждено уголовное дело, которое положило начало раскрытию самого широкомасштабного дела за всю историю советского сыска по краже и контрабанде антикварных ценностей. Оперативную бригаду, которая по мере следствия разрасталась, включая оперативников и специалистов, не только из Москвы, но из провинциальных областей, возглавил полковник Валерий Николаев.

Отец Анатолия Дейнеховского, генерал – артиллерист, принадлежал к советской военной элите, в годы войны командовал крупным подразделением Войска Польского, считался смелым и толковым генералом, а потому все послевоенные блага заслужил честью и совестью. Его семья проживала в доме на Кутузовском проспекте, в том самом, где жил Леонид Ильич Брежнев. Генеральскому сыну, умному и смекалистому, прочили карьеру если не дипломата, то военного. Но он выбрал себе карьеру на поприще весьма сомнительном.

Началом стало банальное мошенничество. В то время тотального дефицита Дейнеховский младший весьма преуспел, изображая из себя завскладом, или кладовщика магазина, одев синий халат. Одна - две прогулки у магазина, окруженном длинной очередью жаждущих приобрести ковры, паласы или мебель. Актёром Дейнеховский был отменным и, получив деньги, обещая через “десять минут” вынести вожделенный ковёр, или попросив “подогнать машину за гарнитуром во-о-н туда”, уходил, скрывшись за двери магазина. А через чёрный ход, выйдя во двор, уже с другой стороны здания снимал халат и неторопливо пересчитывал пачку денег. Ходили упорные, ехидные слухи, что таким образом вор “помог купить” ковёр начальнику ГАИ Самарканда, гостившему в Москве. Дейнеховский ничего не боялся. Его даже забирали в отделение, но вскоре выпускали за недоказанностью преступления. Имелась у афериста и заветная справочка с диагнозом «вялотекущая шизофриния», которую за солидное вознаграждение ему выдал знакомый врач из Института имени Сербского. Если его водворяли в больницу, то там он не задерживался: его вызволяли высокопоставленные лица, или он просто убегал.

Вскоре ему стало скучно. «Тонкая натура» запросила «настоящего искусства». В ресторане «Хрустальный», почти рядом с домом, собирались самые яркие скупщики антиквариата. Неторопливо обсуждались за стопками сделки по купле-продаже раритетов, иногда с криминальным прошлым. Дейнеховского поражали цифры, действительно иногда огромные, называемые за ту, или иную «доску». И он делает окончательный выбор: иконы.

«Петрович», имея опыт в аферных делах, кропотливо подбирает в команду людей с художественным интеллектом, с приличным образованием. Андрей Зиновкин, выпускник Баумановки, получивший кличку «Профессор» изобретает специальное приспособление, пред которым не могла устоять ни одна церковная дверь или решётка. В банду входит ещё один сподвижник, Александр Займовский, сын прославленного академика, того самого, из группы Курчатова, создавшего первую советскую атомную бомбу. Страстный альпинист Игорь Лапшин мог в считаные секунды вскарабкаться по стене даже на колокольню Ивана Великого в Кремле. Ему и поручено первое дело: в августе 1978 года он должен был подняться к окну рядом с куполом храма Донского монастыря, выставить стекло, по верёвке спуститься вниз внутрь и, забрав икону Иоанна Воина в золотом окладе, покинуть церковь те же путём.

Но Лапшин сорвался с верёвки и, упав, сломал ключицу. Прибежали монастырские старушки приняли вора… за божьего посланника. Но сторож оказался сообразительным и, поняв, что за «святой» спустился в храм по верёвке, вызвал 02. В милиции альпинист не нашёл ничего лучшего сказать, что хотел именно ночью помолиться в тишине, поставив свечки. Конечно же, он был снабжён справкой от психиатра, которые имели многие члены банды Дейнеховского. Диагноз показался суду убедительным: в то время можно было поверить, что только полный дурак пойдёт ночью в церковь. Но дело получило огласку, Лапшин и его сообщники попали в МУРовскую картотеку. Дейнеховский сделал два вывода: в Москве иконы не красть, так как любая последующая кража обратит внимание на алиби его бригады; во-вторых, операции готовить, тщательно продумывая.

И «спецы» Дейнеховского пере-квалифицировались, иногда в геологов, а иногда в обычных рыболовов – любителей; катались в «отпуска и командировки», не забывая посещать местные храмы. После чего из них пропадали редкие иконы и серебряная церковная утварь. Сначала проводилась разведка, после которой воры знали о работе сигнализации, возрасте сторожа, времени служб, о местонахождении икон и церковных ценностей внутри храма. Для каждой очередной кражи приобретали и заказывали совершенно новый воровской инструмент, верёвки, фонари, а после выполнения работы сразу же, как современные киллеры, избавлялись от всех этих орудий. На картах местности отмечали пути проникновения и возможные отходы.

«Петрович» занимал пост руководителя клюквенной бригады не только как незаменимый тактик и стратег, но и, в силу своих многочисленных связей среди высоких людей, с немалыми возможностями мгновенно и за бешеные деньги реализовать «церковную продукцию».

Каналов сбыта было несколько. Много клиентов и пособников находилось среди работников и артистов Большого театра. Любезному красавцу Дейнеховскому некоторые очарованные им балерины соглашались провозить «доски» через «зелёный коридор» таможни. За рубежом образа продавались уже за валюту. Активно трудились в иконном бизнесе «заинтересованные дипломатические» работники посольства одной африканской страны.

Имея выход на «самый верх», Дейнеховский имел устойчивый круг заказчиков среди людей хорошо известных, с достойным положением: маститые художники, писатели, коммерсанты, партийные чиновники. Как раз это обстоятельство и позволило следователям сделать «крамольный» тогда вывод, что мафия может сложиться абсолютно при любом государственном строе.

Группа клюквенников под руководством Дейниховского была практически неуловима. Несколько раз были задержания, но надёжные справки о психических заболеваниях делали своё дело. За три года, совершив около четырёх десятков краж, клюкари собрали «товару» почти на 120 тысяч советский рублей.

А везение сыщиков продолжалось… «Болезненные» Сорокин и Чхаидзе поизображали месяц «больных шизофренией». Но спецгруппа уже выделила в отдельное производство дело о взяточничестве сотрудников института имени Сербского, и клюкари, узнав, какие срока им светят, напросились на откровенный разговор. Великой удачей было то, что они указали храм, в ограблении которого непосредственно участвовал сам Дейнеховский. Это была Успенская церковь в селе Запобякино Ярославской области. В июле 1981 года «Петрович» и Зайловский ездили по ярославским деревням, заглядывали в каждую церковь. В Запобякино они взломали ночью оконную решётку, сняли полдюжины икон, в числе которых было «Воскресение Христово». Оклад «недорогой», тянул на тысячу. Схоронив инструмент на местном кладбище, клюкари отбыли. Но именно этот факт и позволил следствию получить ордер на арест «Петровича».

Он долго отпирался, на следственном эксперименте молчал и ёжился…. Был сорокаградусный январский мороз.

Местный деревенский участковый пригласил всех в гости – обогреться. Дейнеховский оттаял. Его угостили водкой… Он захмелел. И тут его понесло… Он признался во всём. Чисто отечественная школа допроса с записью на магнитную ленту сыграла роль. Он сдал всех. Адреса и фамилии перекупщиков, подельников. Схороны, где находилось нереализованное имущество. Для его хранения в МУРе выделили кабинет: в сейфы уже ничего не помещалось. Дейнеховский отсидел, а когда вышел, снова взялся за старое. Недостойный сын достойного отца умер в тюремном госпитале, в свою последнюю «ходку».

4. Заказчики и собиратели.

Заказчик ездит по храмам, которые украшают провинциальные города России, выбирает нужные ему иконы, а затем нанимает исполнителей. Неважно, кто он – заказчик: полоумный, идущий « на всё» коллекционер, или отпетый выжига – поставщик краденных раритетов. Церковные кражи приносят баснословные барыши…

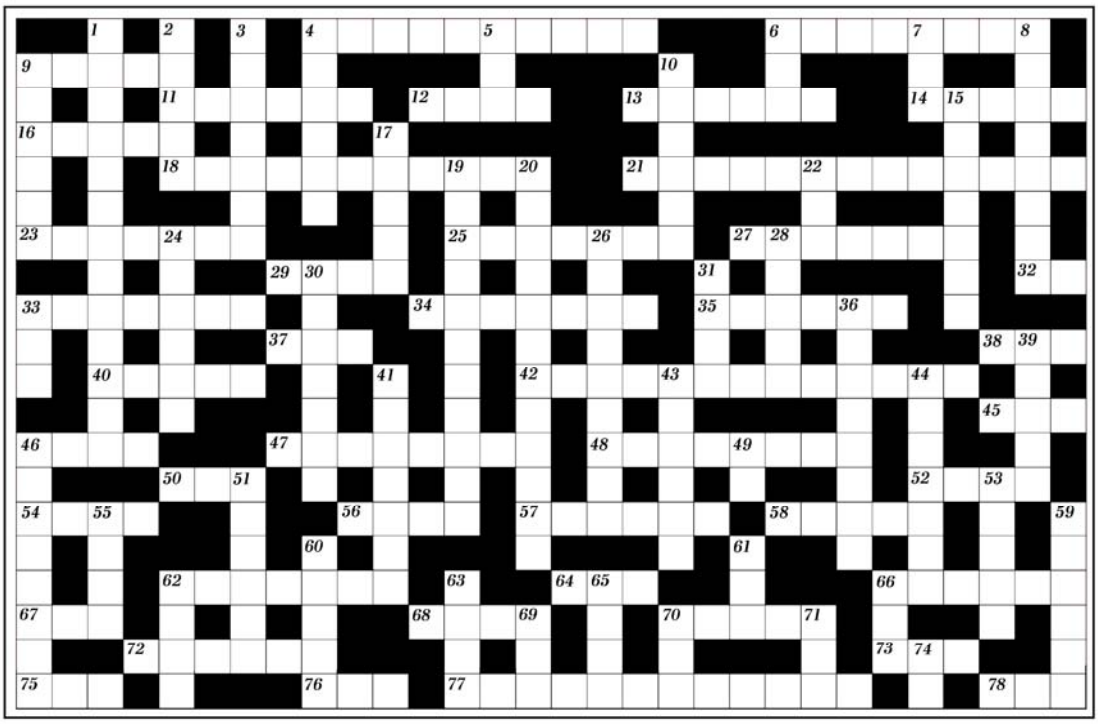
После «разведки» осуществляется кража. Как правило под покровом ночи. Кто-то идёт на дело с гидравлическими ножницами, перекусывая дужки замков или сбивая их кувалдой. Кто-то старается спрятаться во время вечерни, чтобы ночью заняться основным «осмотром». Печально, но факт: в сельской местности церкви редко когда оборудованы охранной сигнализацией. Служители храмов всегда доверяли своей пастве. Этим обстоятельством и пользовались преступники. Но многочисленные кражи из храмов вынудили сельских священников отказаться от сложившихся веками традиций. И местные настоятели стали запирать церкви на ночь, что на Руси всегда считалось большим грехом.

Реализация краденых церковных ценностей идёт от Московского Измайловского Вернисажа, где в удачный месяц опера конфискуют иногда похищенные иконы и утварь буквально мешками, от антикварных магазинов России до европейских лавок, где любители»русского» приобретают контрабандные ценности. Их привозятся в Европу под обшивкой автомобилей, в загашниках железнодорожных вагонов, багажных отделениях самолётов. Так, на Печорской таможне конфисковали как-то в задержанном микроавтобусе «Рено» около восемьсот икон. Белорусская таможня удачно нашла в купе вагона под полом и в потолке провозимые иконы, серебряные оклады, кадила и кресты на сумму более ста тысяч долларов. Специалисты утверждают, что только одну из десяти краж совершают клюквенники – одиночки. Остальные девять приходятся на преступную бригаду.

Множество контрабандистских антикварных бригад осело в странах Европы. Среди них – большинство выходцев с «Эсенговской» территории. В России на них работает множество сообщников, среди которых бывшие научные работники, художники, отлучённые от церкви священнослужители. По статистике МВД, каждая вторая украденная древнерусская икона вывозится за рубеж и оказывается в руках частного коллекционер а или бизнесмена.

В одном из столичных банков – середнячков «губэповцы» изъяли почти три десятка редчайших икон XVI – XVIII веков. Очевидно, что образа были подготовлены для отправки за границу: каждая икона была покрыта слоем воска для защиты от дорожных повреждений. Попытка тайного экспорта была предотвращена.

Продолжение следует.



Вопросы по-горизонтали:

4. В Апокалипсисе место последней битвы в конце времен.
5. Библейское морское чудовище. 9.Общее мнение о ком-либо, известность. 11.Благоуханный дым, знак благодати Св.Духа. 12.Таинство церковное. 13.Торжественное заверение обещания,запрещенное Христом. 14.Сегодня, ныне (церк.-слав.). 16.«Бритва скребет, а …(?) режет» (посл.). 18.Молитва, в которой прославляется Бог. 21.Как иначе называют мученика? 23.Название крещенской воды; в пер. – «великая святыня». 25.Тот, кто ищет истину путем недоверия, сомнения. 27.Постный день недели. 29.Вещество,освящаемое в праздник Крещения Господня. 32.Противоположность Рая. 33.Как назван петух в церк.-слав. Евангелии? 34.Личная святыня христианина. 35.Часть епископского облакчения. 37.Персидский царь, разрешивший иудеям восстановить Иерусалимский храм. 38.Ее пословица не рекомендует рыть ближнему. 40.Всякое создание Божие, творение. 42.Привычка говорить колкие, обидные слова. 45.Промежуток времени, равный ста годам 46.В Св.Писании символ праведного образа жизни человека. 47.Искреннее сознание своего недостоинства. 48.Главная добродетель в семейной жизни. 50.Как Библия называет жир,богатство, пресыщение? 52.Апостол, предавший Христа. 54.Священная гора в Иерусалиме. 56.Евангелист, написавший Евангелие со слов ап.Петра. 57.Страна,выпавшая по жребию Пресвятой Богородице для проповеди. 58.Ложечка для причащения верующих. 62.Собрание людей вокруг Христа. 64.Буква церк.-слав. Азбуки. 66.Место поклонения идолам. 67.Лицо святого на иконе. 68.«Покорное слово …(?) укрощает»(посл.) 70.Прозвище одного из апостолов, означающее «усердный, ревнитель». 72.Слово, обращающее в бегство бесов. 73.Что ожидает каждого из нас в конце времен? 75.Город в Палестине, основанный сыном Ноя Иафетом. 76.Город, главой христианской общины которого был ап.Петр. 77.Любовь к богатству, наживе. 78.Божество фаталиста.

Вопросы по-вертикали:

1. Путешествие по святым местам. 2. Греческое слово, в переводе означающее «страдание», «страсть». 3.Светильник перед иконой. 4.Высокий наклонный столик в церкви. 5.Проматерь рода человеческого. 6.Ручное животное св. старца Герасима. 7.Царство мертвых в древнегреческой мифологии. 8.Тяжкая форма греха осуждения. 9.Обращение к женщине-христианке. 10.Часть женской одежды, знак скромности, смирения. 15. В буддизме состояние высшего блаженства. 17. Купол храма. 19. Крёстный отец. 20. Таинство, врачующее телесные болезни через исцеление болезней духовных. 22.Римский император, разрушивший Иерусалим. 24. Титул персидского наместника провинции. 26. Ангельская песнь Пресвятой Троице. 28. В церковной символике образ устойчивости, надежды. 30. Одна из жен Исава (ветхозав.). 31. Беда, скорбь. 33. Судья из рода Вениамина, вызволивший израильтян из-под гнёта царя Еглона. 36. Обычай ритуального очищения у иудеев. 39. Сеть, невод (церк.-слав.). 41. Крестообразная прорубь для освящения воды в реке на Крещение. 43. Колючее растение, из которого солдаты сплели венец для Христа. 44. Святая, которую студенты считают своей покровительницей. 46. Таблица для определения времен Пасхи. 49. Буква церковно-слав. алфавита. 51. Место для церковного хора. 53. Библейский царь- псалмопевец и пророк. 55. Часть суши, окруженная водой; остров (церк.-слав.). 59. Тот, кто к истинному учению о Боге примешивает ложные мнения. 60. Св.чаша, богослужебный сосуд. 61. Святой, известный своими посмертными поучениями. 62. Монарх, государь. 63. Монах, отшельник. 65. Землятресение (церк.-слав.). 66. Отец первого израильского царя Саула. 69. Нарушитель восьмой заповеди Божией. 70. Антоним добра. 71. Число ипостасей Бога. 74. Какая-либо часть тела (церк.-слав.).

Ответы по горизонтали на предыдущий кроссворд:
4.Фома. 6.Терние. 8.Антоний. 12.Валтасар. 14.Сокровище. 16.Оглашенный. 17.Кнот. 18.Скиния. 19.Скупость. 21.Ездра. 24.Ять. 25.Раб. 27. Украшение. 29.Златоуст. 32.Блины. 33.Лад. 25.Море. 36.Сикера. 38.Пропитание. 41.Благо. 43.Злоба. 45. Мшелоимство. 46.Кривда. 48.Зависть.49.Дом. 51.Любовь. 52.Лидия. 53.Амвон. 54.Душа. 57.Неф. 58.Поклёп. 60.Нестяжание. 62.Отеть. 63.Нектарий. 65.Слепец. 67.Нод. 69.Скимен. 71.Япония. 74. Корзина. 75.Благословение 76. Комета.

Ответы по вертикали1.Кадильница. 2.Статир. 3.Ясли. 4.Фреска. 5.Масон. 7.Неимущий. 8.«Апостол» 9.Тело. 10. Ноша. 11. Ерь. 13.Скряга. 15.Ефод. 19.Сребролюбие. 20.УФО. 22.Затмение. 23.Ангел. 26.Болезнь. 28.Коса. 29.Зло. 30.Тать. 31.Узник. 34.Двоедушие. 37.Кошелёк. 39.Рост. 40. Павел. 41.Беззаконник. 42.Гнилость. 44.Лихва. 47.Доверие. 50.Кифа. 54.Денница. 55.Иссоп. 56.Вифлием.58. Пан. 59.Перл. 60.Ной. 61. Жених. 64.Кино. 68.Дар. 70.Нил. 72.Оле. 73.Ге.

Христианочка

То, что я расскажу вам, случилось много лет тому назад в селе Любани, Новгородской губернии. Однажды в июне, около двух часов дня, на двор одной из дач, стоявших близко к речному берегу, вбежали две девочки, полураздетые, дрожащие всем телом. С распущенных и спутавшихся волос их текла вода. Когда к неизвестным девочкам со всех углов дачи сбежались люди, испуганные их видом и мертвенной бледностью лиц, то девочки, трясясь и стуча зубами, едва могли пролепетать, что они купались на реке, что их сестра и горничная потонули, и что они прибежали сюда, чтобы скорее просить всех спасать утонувших, потому что до их дачи еще далеко… Сейчас же нашлись хорошие пловцы, которые стали нырять в омут и вытащили оттуда утонувшую девочку. Она не дышала. Когда девочку вынесли из воды, то несколько человек схватили ее и начали немедленно качать; но другие, более разумные люди, остановили это, потому что таким качанием не вызовешь жизни. Положив утопленницу на землю, они послали в деревню за фельдшером. Прибежавший фельдшер стал растирать похолодевшее тело девочки, стараясь произвести искусственное дыхание, но жизнь не возвращалась в окоченевшее тело. В это время пришла мать девочек, не помня себя от ужаса и горя. Узнав, что ничто не помогает, она умоляла все-таки сделать еще что-нибудь для оживления дочери. Ей отвечали, что ничего больше нельзя уже сделать. Тогда она припала к навсегда замерзшему телу и горячими слезами обливала посиневшее личико.

Потом мертвую девочку положили на телегу, и мать повезла ее домой. Горничную же все не могли сыскать. Ее нашли только спустя некоторое время, когда на реку выехали в лодке и стали баграми нащупывать дно в разных местах омута. Вытащив давно уже безжизненную девушку из воды, ее положили также в телегу, прикрыли рогожей и увезли домой. Когда сестры утопленницы пришли в себя и немного успокоились, они рассказали, как случилось это несчастье.

День этот был особенно знойный и душный. Идя к реке, все они истомились от жары, и когда пришли на берег, то горничная в одно мгновение разделась и, не дожидаясь, пока разденутся дети, бросилась, не разбирая, в самый омут. Случились ли тут с горничной судороги или другое что, только она стала тонуть. Увидав это, старшая сестра Вера, не раздумывая ни минуты, бросилась, как была, не скинув даже платья, в реку, к утопающей. Но Вера почти не умела плавать, не осилила стремительности омута и сама начала тонуть. Тогда вторая сестра пошла также в воду, дошла до обрыва и подала руку сестре, боровшейся в омуте. Утопающая схватила сестру за руку, но тотчас же отбросила ее руку от себя. В это время вода дошла второй сестре до рта; ей сделалось страшно и она выбежала из воды. Пока вторая сестра была в воде, даже младшенькая девятилетняя девочка пошла в воду за нею, но, видя, что сестра возвращается, вернулась и сама на берег. Обе девочки в один голос рассказывали, что сестра их утонула, спасая погибшего человека. Вот как умерла маленькая христианка...

Девочка эта была очень верующая и очень хорошая. С самых ранних лет она тянулась ко всему хорошему и светлому, как молодая травка изо всех сил тянется к солнечному свету, вбирает его в себя и от этого становится все зеленее и выше. Это был всегда радостный и ласковый ребенок, и каждому бывало с ним весело и хорошо, — столько искренней любви светилось из больших синих глаз девочки, столько любви было в ее обращении со всеми. Такой она и росла. Многие люди бывают маленькими детьми добрыми и кроткими, но, подрастая, начинают черстветь и грубеть, в Вере же любовь делалась с годами только глубже и сильнее. Вместе с тем она становилась очень умна; она много читала и передумывала.

Она слушала, как при ней читали иногда что-нибудь из Евангелия, и ей казалось тогда, точно из этой книги говорит с ней Кто-то такой родной, дружный с нею, и говорит все так прекрасно, что у ней слезы навертывались на глаза и маленькое сердце ее согревалось невыразимым Теплом. И Вере казалось, что это самая нужная для нее книга, что она должна читать ее сама и перечитывать, и она просила мать, чтобы та подарила ей Евангелие. Вере было тогда только одиннадцать лет, и мать долго не соглашалась исполнить ее просьбу, говоря, что ей рано читать такую книгу, что она не поймет ее своим ребяческим умом.

Но девочка просила неотступно, и мать, наконец, подарила ей Евангелие. Жадно, с блаженной радостью прочитав и перечитывая евангелие, девочка не расставалась с этой книгой. Она знала все четыре Евангелия наизусть. Прежде всего она поняла из Евангелия, что нельзя жить для себя только, а надо жить для всех, всех надо любить, со всеми всегда надо быть кроткой и ласковой, всем быть слугою, а больше всего надобно жалеть и помогать тем, кого некому пожалеть — всем людям нуждающимся, голодным и холодным. Также рано поняла она, что надо быть всегда правдивой, что надо везде и всегда искать только одну правду и говорить всегда правду и не бояться ничего, если тебя обидят, заругают или чем-нибудь накажут за эту правду. И что всегда надо быть чистой сердцем, стараться быть такой, чтобы всех вокруг себя радовать и утешать, как солнце на небе всех радует: и добрых и злых, никого не разбирает, всем светит и всех греет.

Все это она поняла из Евангелия прежде всего, а потом с годами открылось ей еще многое другое. И этот ребенок хорошо понял, для чего нужно жить, во что надо верить и что надо любить всей душой: жить нужно для правды; верить надо в Бога, а Бог есть Любовь, как говорится в Евангелии; любить же всею душой надо всех людей, как милых и дорогих братьев. И вся душа Веры доверчиво потянулась навстречу этому ученью любви, этой правде Христовой. Она твердо верила, что всем надо и всем можно жить так, как учил людей жить Сын Божий, Господь наш Иисус Христос; и когда ей случалось говорить это взрослым, и некоторые говорили с ней со снисходительною улыбкой, что жить так почти невозможно, то она отвечала на это: “Значит, вы не верите в то, чему учил Христос. Нет, если верить, так уж верить!” И говорила она это с таким горячим убеждением, что взрослые люди невольно замолкали, а она всегда как-то особенно выразительно повторяла еще: “Верить, так верить!”

Она много читала в свободное время. Больше всего она любила читать о жизни и учении Иисуса Христа. Кроме того, она особенно любила читать историю и путешествия. И все, что она читала о жизни людей, она оценивала по-своему: там, где народы жили в согласии между собой, где они вели жизнь мирную, тихую и дружескую, там, говорила она, люди жили так, как должны всегда жить. Когда же она читала о войнах, кровопролитиях, и вообще о каких бы то ни было жестокостях и притеснениях одних людей другими, она всегда с горячим негодованием порицала такие поступки людей. Она горячо порицала всегда, — никем и ничем не стесняясь, — всякую несправедливость, которую видела или о которой ей приходилось прочесть или услыхать. Насколько она любила всех, настолько же она ненавидела всем сердцем злобу и ложь, у кого бы ее ни встречала. Она прощала все это людям, но считала, что большой грех скрывать от людей правду, когда они делают злое. Она никогда не лгала. Как она верила и говорила, так и жила, стараясь делать все то доброе, что могла и умела.

Средства ее родителей были очень скромные. Дарили они иногда дочерям 20—15 копеек на гостинцы, и у Веры иногда собирался из этого какой-нибудь рубль; но никогда она ни разу не купила себе ничего. Что же она делала со своими маленькими деньгами? Семейство ее посещали иногда знакомые, бедные и крайне нуждавшиеся люди, и девочка клала потихоньку деньги в карман их платья, висевшего в прихожей, а когда случалась ей бывать у этих людей, то она клала деньги тихонько им под подушку. Жертвуя тем малым, какое она имела, Вера пожертвовала и всею жизнью, когда это понадобилось.

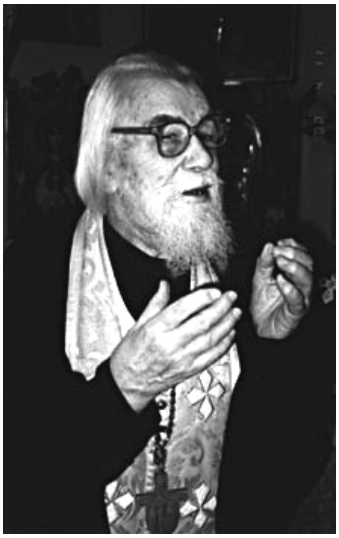
И в самые предсмертные свои минуты она сделала то, что может сделать только тот человек, в котором ничего, кроме любви, не осталось. Вот почему, когда вечером того дня, в который случилось это несчастье на реке, в одной из комнат дачи, где жила семья покойной девочки, раздались унылые напевы панихиды, что-то особенное, глубоко трогательное было на сердце у всей собравшейся кучки родных и знакомых. И застланные слезами глаза жарко молившейся матери и сестер с бесконечной любовью и скорбью глядели туда, где лежало чистое, невинное тело четырнадцатилетней девочки, почти ребенка, без колебания отдавшего свою жизнь в жертву святой любви.

И на белевшем сквозь туман кадильного дыма спокойном, прекрасном лице девочки лежала застывшая кроткая и приветливая улыбка, точно она говорила всем собравшимся: “Я сделала свое дело, делайте же и вы свое”.

По Горбунову-Посадову

Отошел ко Господу Печерский старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

О. Иоанн в день своего рукоположения в священники



В день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских, 5 февраля, в возрасте 95 лет отошел ко Господу старейший насельник и духовник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, горячо всеми любимый старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Он преставился через несколько минут после принятия Святых Христовых Таин.

Отца Иоанна знают и почитают в самых разных странах мира. Словами невозможно выразить, что значил отец Иоанн для своих духовных чад и для всей Русской Православной Церкви. Последние годы, из-за возраста и болезней, он не имел возможности принимать всех жаждущих его совета.

Однако письма из разных концов света продолжают приходить на адрес Псково-Печерского монастыря. Проповеди, книги отца Иоанна продолжают открывать новый, духовный мир для тысяч людей и приводить истосковавшиеся души к Богу. Среди наиболее известных и популярный книг, составленный по его беседам и письмам можно назвать «Опыт построения исповеди», «Проповеди, размышления, поздравления», «Настольная книга для монашествующих и мирян», а также сборник «Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина)». Беседы и письма отца Иоанна переведены и изданы на иностранных языках.

11 апреля 1910 года в городе Орле в семье Михаила Дмитриевича и Елизаветы Илларионовны Крестьянкиных родился восьмой ребенок. Мальчика назвали Иоанном в честь празднуемого в этот день преподобного Иоанна Пустынника. Знаменательно, что в этот же день празднуется память преподобных Марка и Ионы Псково-Печерских. Еще в детстве Ваня прислуживал в храме, был послушником у известного своей монашеской строгостью орловского архиепископа Серафима (Остроумова). Когда Ване было два года, умер его отец Михаил Дмитриевич. Воспитанием сына занималась глубоко религиозная и благочестивая мама Елизавета Илларионовна. Отец Иоанн сохранил в благодарной памяти труды любви тех, кто вел, наставлял его духовно. От младенчества до юности – это орловские протоиереи: отец Николай Азбукин и отец Всеволод Ковригин. В 10 лет он испытал на себе влияние протоиерея-старца Георгия Косова из села Спас-Чекряк Орловского края, бывшего духовным чадом преподобного Амвросия Оптинского.

Первое указание о будущем монашестве отец Иоанн получил в отрочестве от двух друзей – архиереев: архиепископа Серафима (Остроумова), будущего священномученика, и епископа Николая (Никольского). Орловская старица-монахиня Вера Александровна Логинова, благословляя его на жизнь в Москву, заглянула в далекое будущее юноши Иоанна, назначив ему встречу с ней на Псковской земле. Светлый образ орловского Христа ради юродивого Афанасия Андреевича Сайко на всю жизнь запечатлел в сознании обаяние Божьего человека, силу его духа и тепло любви к людям. После средней школы Иван Крестьянкин окончил бухгалтерские курсы и, переехав в Москву, работал по этой специальности. 14 января 1945 года в храме на Ваганькове митрополит Николай (Ярушевич) посвятил его в сан диакона. На праздник Иерусалимской иконы Божией Матери 25 октября того же года Патриархом Алексием I диакон Иоанн был рукоположен в сан священника в Измайловском Христорождественском храме в Москве, где и остался служить. Экзамены на курс семинарии отец Иоанн сдал экстерном, и в 1950, закончив 4 курса Московской Духовной академии, написал кандидатскую работу. Но закончить ее не удалось. В ночь с 29 на 30 апреля 1950 года за ревностное пастырское служение отец Иоанн был арестован и по приговору получил 7 лет исправительно-трудовых лагерей. Вернувшись из заключения досрочно 15 февраля 1955 года, он был назначен в псковскую епархию, а в 1957 году перемещен в Рязанскую епархию, где священствовал, в общей сложности почти 11 лет.

Молодого священника приняли под свое духовное попечение глинские старцы, и один из них, схиархимандрит Серафим (Романцов), стал его духовным отцом, и именно он принял монашеские обеты своего духовного сына, а последний оптинский старец игумен Иоанн (Соколов) узрел в приходском батюшке родного по духу человека. Отец Иоанн принял монашество 10 июня 1966 года, на праздник преподобного Сампсона Странноприимца, в городе Сухуми.

5 марта 1967 года иеромонах Иоанн поступил в Псково-Печерский монастырь. 13 апреля 1970 года был возведен в сан игумена, а 7 апреля 1973 – в сан архимандрита. Монашеству учили батюшку и монастырский устав жизни, и живые старцы, подвизавшиеся в Печерской обители: иеросхимонах Симеон (Желнин), схиархимандрит Пимен (Гавриленко), архимандрит Афиноген (Агапов), наместник архимандрит Алипий (Воронов); также последние Валаамские старцы: иеросхимонах Михаил (Питкевич), схиигумен Лука (Земсков), схимонах Николай (Монахов); жившие на покое в монастыре архиереи: епископ Феодор (Текучев) и митрополит Вениамин (Федченков). Не случайным является отшествие ко Господу отца Иоанна именно в день памяти новомучеников и исповедников Российских, потому что сам он пострадал за веру в годы гонений, пройдя тяжелое испытание в тюремном заключении. Верим, что, присоединившись к сонму своих сподвижников, он предстанет престолу Божию с горячей молитвой о нас.

Отец Иоанн навсегда останется в памяти всех, знавших его, как мудрый, радостный и прозорливый священник, строгий монах, усердный постник и молитвенник, искренний послушник, как человек, щедро делившийся своим богатым жизненным опытом, согревавший своей любовью каждого, кто обращался за его советом, как достойный наследник традиций печерского старчества. Вечная ему память!

Форма № ПД-4а

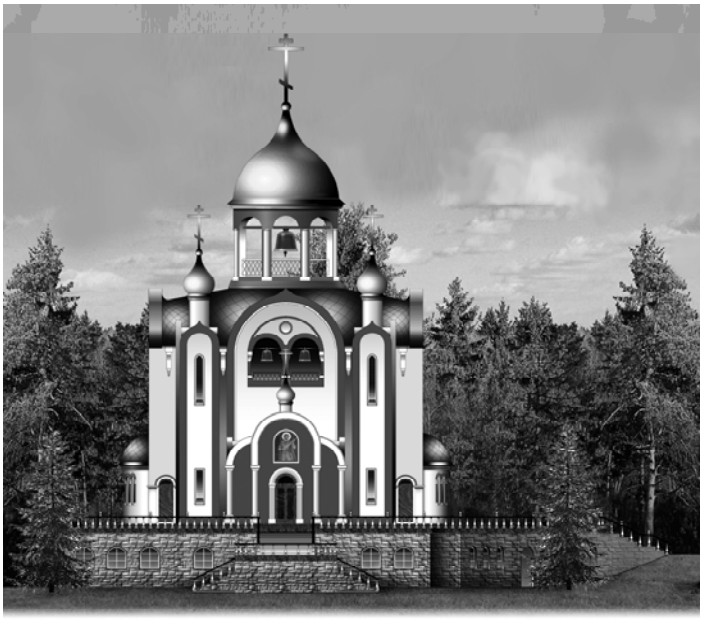
		Некоммерческая организация Фонд "Братина" (наименование получателя платежа) **5003053105 / 500301001** (ИНН/КПП получателя платежа) **№40703810590010003475** (номер счета получателя платежа) в **КБ "Московский Капитал"(ООО)** (наименование банка и банковские реквизиты) **БИК 044552782** **к/с 30101810800000000782** **Целевое пожертвование на строительство храма** **Великомученика Георгия в г.Видное** (наименование платежа) Дата _____ Сумма платежа_____руб. _____ коп.
Извещение	**Кассир**	**Плательщик** (подпись) _____
		Некоммерческая организация Фонд "Братина" (наименование получателя платежа) **5003053105 / 500301001** (ИНН/КПП получателя платежа) **№40703810590010003475** (номер счета получателя платежа) в **КБ "Московский Капитал"(ООО)** (наименование банка и банковские реквизиты) **БИК 044552782** **к/с 30101810800000000782** **Целевое пожертвование на строительство храма** **Великомученика Георгия в г.Видное** (наименование платежа) Дата _____ Сумма платежа_____руб. _____ коп.
Извещение	**Кассир**	**Плательщик** (подпись) _____

Дорогие братья и сестры, жители Видновской земли!

С 2004 года в городе Видное начато возведение центрального городского храма в честь великомученика Георгия Победоносца, посвященного памяти 60-летия Победы русского народа в Великой Отечественной Войне. Строительство храма осуществляется на благотворительные пожертвования частных лиц и организаций Ленинского района.

Просим Вас откликнуться на наше обращение и внести свою посильную лепту в это благое начинание.

Средства можно перечислять на расчетный счет некоммерческого организации «Фонд «Братина»:
№ 40703810590010003475
в КБ «Московский Капитал» (ООО),
БИК 044552782,
к/с 30101810800000000782



Дорогие Братья и сестры!
Сообщаем Вам об изменении работы Православного телефона доверия.

Православный телефон доверия

по вторникам с 19-00 до 21-00.
На вопросы отвечает священник.
Телефонный номер: 547-05-13

Дорогие сестры во Христе!

Успенская церковь и администрация Видновской районной больницы объявляет набор в группу сестёр милосердия с курсом обучения для служения больным в Ваше свободное время по гибкому графику.
Запись за свечным ящиком в храме.
Справки по телефону доверия.
(мед. образование не требуется)

С любовью о Господе поздравляем клириков нашего благочиния протоиерея Леонида Грилихеса, иеромонаха Софрония (Горохольского), протоиерея Алексея Волосенко, игумена Иннокентия (Язвикова), священника Сергия Анискина, священника Афанасия Чорногуза, священника Александра Стуруа, диакона Иоанна Алферова с Днями их тезоименитства. Желаем крепкого здоровья и помощи Божьей.

В мае 2004 года в Успенской церкви г.Видное (на кругу) открыт Православный медицинский кабинет.

Приём ведут специально подготовленные верующие врачи (терапевт, ревматолог, невропатолог, эндокринолог, гинеколог, кардиолог) каждую субботу с 11-00 до 13-00 часов. Также принимает детский врач.

Больным бесплатно раздаются лекарства и сборы трав. Талоны выдаются всем желающим за свечным ящиком в Успенской церкви г. Видное.

Делается экспресс-анализ крови на сахар, ЭКГ.

Бесплатный прием юриста в Успенском храме. Запись за ящиком.

Закажите наш альманах
в почтовых отделениях города!
Подписной индекс в каталоге России: 000432.
Срок подписки неограничен.

Читайте в номере

2 стр. Слово Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия в преддверии Великого поста

3 стр. Слово редактора

4-12 стр. Ходи предо Мною

13-14 стр. Явление Христа народу

15 стр. цветник ДУХОВНЫЙ

16 стр. Вы нам писали

17 стр. Зеркало души народной

18-21 стр. Литературная страница Елены Потёмкиной

22 стр. КРОССВОРД

23 стр. Детская страница

24-27 стр. НОВОСТИ ОБЪЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИЯ

Главный редактор: священник Михаил Егоров,
Выпускающий редактор: иеромонах Софроний (Горохольский),
Редакционная коллегия: Е.Потёмкина, О.Тихонова, А.Колпакова, М.Петрова, Г.Буржанова.
Корректор: Г.Голубева,
Художник: В.Большакова,
Компьютерная вёрстка: иеромонах Софроний.

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС1-50810

На первой странице использована фотография Успенской церкви г.Видное.
Адрес редакции: 142700, М.О., г.Видное, Белокаменное шоссе, Успенская церковь.
Тел./факс (095) 541-53-22

Не используйте издание в хозяйстве, так как в нём напечатаны Священные изображения и имена.

Отпечатано ЗАО ПП "ВЫМПЕЛ", Московская обл., г.Видное, ул.Донбасская, д.1а
Тел.: (095) 541-03-86, 743-84-23. Заказ № от Тираж 2500 экз.

Алтарная часть Успенского храма г.Видное.
Мозаичная икона Божией Матери “Нерушимая Стена”.